

ЖУРАВЛИ

СВЕТОЗАРЬ
ЛУЧНИКЪ

0+

Светозаръ Лучникъ Журавли

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55513976

SelfPub; 2020

Аннотация

Посвящается погибшим Воинам – Макшину Анатолию Михайловичу и Антипову Фёдору Антоновичу, отдавшим свою жизнь за Великую Победу в 1941-1945гг. Солдат Войны... Как мало букв, но много боли... Вечная Память Героям!!! Помним! Чтим! Гордимся!

Содержание

Это Слово

посвящается Анатолию Макшину

1915 года рождения,

пропавшему без вести

в Брестской Крепости в июле 1941 года

и

Фёдору Антипову 1904 года рождения, убитому 26

ноября 1942 года

в Калининской области

близ деревни Каменки.

Жили-были...

Нет, так вовсе не начнёшь этот сюжет выписывать, ибо здесь не место какой-то сладкой и волшебной сказке, у которой и конец-то счастливый, добрый, здесь трагедия раскрылась на потоке Событий, страсть вывалилась, боль и многие другие ненормированные чувственные сложения ниспустились, а сам конец завершается убогой смертью. Но надобно как-то достойно и славно начать Слово про **Солдата**, отдавшего свою жизнь за Родину, за народ, за близких...

Анатолий Макшин...26 лет...

Фёдор Антипов...38 лет...

В какое же краткое, ограниченное, сжатое число вписалась Жизнь **Одного Солдата** и Жизнь **Второго Солдата**... И что? что? что они узрели, испили, вызнали на потоке

своих путей, которыми даже не усладились и не утешились?
Война прорезала эти судьбы пополам...

Ох!

Солдатский Вздох...

Судьба озверела, озлобилась, сгорбилась, словно её некто обезличил и омрачил... А Кто-то обезличил и омрачил... Остаётся токмо выведать значимость и важность такового непростого момента... И пусть этот Кто-то поведёт по достойному пути словес, и подаст нужные и славные Мысли из своей копилки...

Потекли мысли...

Словес множество...

Собирай, да скапливай...

Первый Солдат Анатолий Макшин совсем жизнь не видел, лишь глотнул несколько глотков свежего воздуха, окунувшись в синие волны Грозного Поднебесья, не сумев выловить для себя благое дыхание земного восторга и чутья, прошагал малость шагов и...погиб, словно и не было его на земле, словно и не рождался вовсе.

А ведь рождался...

Жил...

И был...

Дышал и чувствовал жизнь во всех её красотах, кои вдруг, ментально обагрились кровью, растворились реки адовы, и нырнул в их кипучие и могучие волны, и поплыл, поплыл навстречу... Навстречу – чему? Смерти что ли?

Нет, он не плыл против течения, он боролся с бурным течением, чтобы не утонуть, не сгинуть безвестно, но выплыть, выплыть к заветному берегу... Выплыл... И берег оказался незнакомым, чужим, каким-то непонятным и ледяным...

Что это?

Какие-то тихие ли, громкие возможности События накрыли мальчишку, что он даже не успел, не успел, не успел ими озаботиться, собрать посильное (желанное, востребованное), да порадоваться, как вдруг грозный набат смерти пропел для него итог, конечный итог всему, что было и чего ещё не было... Раз и... Солдатский Подвиг...

Второй Солдат Фёдор Антипов глотнул немного больше свежего воздуха, успев при том окунуться в синие дали и просторы, коими, возможно, и усладил чуток свой беспокойный дух, ибо оставил после себя потомство, сумел удержать на нём добрые взгляды и добрые чувства, которые со временем так же обветшали и угасли, ибо памятные искры с годами тускнеют, хотя **Вечная Память** не угаснет никогда. Сложил он немногую пажить своих доблестных шагов, обмазался чернотой, духотой хаоса, возникшего всё из того же поднебесья и великой сини. Оставил, там ли, здесь ли, свою отцовскую важность и своё понимание. Жизнь завершила сей итог, лишь печаль вонзилась в земное дыхание, и оно, это земное дыхание, складывает печаль до сего дня, даже до этого мгновения. Солдатский Долг...

Оба – и **Толик**, и **Фёдор** – шагнули в небытие или в бы-

тие? Оба ли сроднились любовью Того, Кто поставил их на этот вязкий и страшный путь войны? Оба ли удостоились чести и славы? Оба ли сопричтены бессмертием?

Помнят ли их Небеса благословенные, хранят ли по ним память эти Небеса обетованные? Уготовили ли они им тихую и святую обитель? И подадут ли им то, чего не добрали на первом житии? Не зазря ли истратили свои жизни и свои чувства? И сохранились ли Их Последние Взгляды, Мысли и Жажды? Не напрасное ли страдание, боль и ожидание претерпели? Сколько вопросов к этим Небесам... Не станут ли они, по обыкновению, отмалчиваться?

Кто услышит и уразумет, тот пусть и соберёт все мысленные обороты, и этими мысленными оборотами, словами и достойным размышлением сумеет найти смысл, истину и возможность настоящей любви...

Без любви человек мёртв, а у мёртвых и поживиться нечем, одни безликие и мрачные коридоры страхований. А так нужна живому любовь Божья. Так она ему необходима, ибо соединяет мёртвого с Живым. А что такое Любовь Божья? Как сказал преподобный Ефрем Сирин: **«...счастлив человек, в котором есть любовь Божия, потому что он носит в себе Бога...»** Дабы выявить мотив божественной любви надобно вырваться за пределы плоти, так как плоть ограничивает возможности, хотя никакая возможность не в силах отстранить нас от Бога. Теперь пошаговым восприятием будем отыскивать любовь в том, что было

прежде и в том, что есть ныне...

Пусть же родится это верное, правильное (живое, так как живость определяет чувственность и размышление) Слово, и пусть же оно увековечит память **погибшего в 1941 году Анатолия Макшина** и **погибшего в 1942 году Фёдора Антипова**, ибо сим наименованием добротнo оформить благой достаток любви. На сию Возвышенную Ступень должно взойти погибшим в той Страшной Войне. Миллионы, миллионы, миллионы разрушенных судеб...

Нам всем, без исключений и сословий, в этом благом достатке любви наследовать свою вечность однажды придётся. Для каждого живущего ныне (и жившего прежде) есть место и оно особенное (исключительное, неподражаемое), потому что и зависит сие от особенности человеческой. Человек же есть нечто необыкновенное и неповторимое. Суть понять не дано сегодня. А кому дано, тот и понял.

Но коли Сам Иисус заверил в сём,¹ поэтому не будем ни в чём сомневаться и преогорчаться, лишь увéримся и укрепимся одною важною мыслью, так как мысли создают простор неистощимый и позволяют лавировать в нём бесконечно, так формируется вечный путь. Вот сим и укрепимся, удержимся.

Мысли же всякие (особенно добротные и истинные) достойно в себе сохранять (сберегать), ими слагается при-

¹ « В доме Отца Моего обителей много. А если бы не так, Я сказал бы вам: Я иду приготовить место вам... » (от Иоанна, 14,2)

ближающаяся (наша) будущность. Будущность удерживается именно скопленными мыслями. Их у нас превеликое множество собирается за целую жизнь.

Уделять внимание желательно сильным (терпение, страдание, боль) мыслям, они имеют вес и ценность. Мысли же не совсем достойные (утехи, развлечение, леность и тому подобное) так же слагают идейный парад, но далеко не всякий человек способен отсортировать мысль от мысли, но каждая из них, каждое сообразованное слово имеет определённый порядок и смысл.

Вниманием, усердием, старанием, ревностью наградила Бог человека, вот сему и надобно прилежать² с особою тщательностью, дабы понимать, что верно и полезно душе, а что пагубно для тела. Посему так важно единение, а не разделение, ибо единением подаётся смысл, а разрозненность смысл сминает.

Вот и ныне, на потоке свершившихся уже и свершающихся ещё Событий, будем и мы собирать богатство неиссякаемых словес, чтобы именно таковым (а не иным!) богатством отыскать нужное место, которое соединит нас друг с другом и с Богом, но не разделит (не отдалит) друг от друга и от Бога.

В этом устройении мы сливаемся святым единством и обогащаемся друг от друга посредством божественного поучения. Желаемое приобретается через божественные знания, Бог Сам предстаёт Учителем и Утешителем. Нам важно

² Усердствовать.

иметь при себе и Учителя, и Утешителя. Учитель определяет цель, а Утешитель укрепляет смысл. Сей союз нерушимый и достойный для человека.

Война породила итог Страданию, Боли и Терпимости. Она изменила всю сущность текущих событий. Человек оказался в плену оживших страстей, которые избежать не довелось, хотя через непосильный груз был выложен путь для новых радостей и беспечалия.

Для чего же Бог (Милосердный и Справедливый) положил на Весы Времени такой непосильный Труд – понять весьма непросто, но кто желает выявить сущность таковую, тому и будет предложена мысль тяжёлого и изнурительного пробуждения. Осилить бы оную хорошо, а укрепиться в ней ещё лучше.

Хотя бы попытаться узреть Глубину свершившегося (**22 июня 1941года**) События, войти в эти горькие и мрачные воды и проплыть в них немного своими желаниями и чувствами, глядишь, и выведут на Желанный Берег Знаний.

Попытаться бы отыскать подобающую идею и некий (малый, но существенный) смысл. А коли не отыщется оный, то и нет, значит, у нас достатка любви, ибо токмо он один подаёт простор мыслям и закрепляет итог.

Вспомним всех поимённо, горем вспомним своим. Это нужно не мёртвым. Это надо живым... Люди! Покуда сердца стучатся – помните! Какую ценой завоёвано счастье – пожалуйста, помните! Песню свою, отправляя в полёт – помните!

О, тех, кто уже никогда не споёт – помните! Детям своим расскажите о них, чтоб запомнили! Детям детей расскажите о них, чтобы тоже запомнили! Во все времена бессмертной Земли помните! К мерцающим звёздам ведя корабли – о погибших помните!.. Памяти павших будьте достойны!³

Анатолий Макшин...

Фёдор Антипов...

Миллионы...

«Летит, летит по небу клин усталый, летит в тумане на исходе дня. И в том строю есть промежуток малый, быть может это место для...»⁴ Для кого же это место уготовано? Кому сюда надобно встроиться и удержаться, дабы не нарушить сей святой строй?

Кому-то надобно...

Приостановим же здесь (от этого истока) мысль восходящую, пусть она тут поудержится малость, так как нам надобно осилить оную чем-то весьма важным, а потому святой печалью достойно раскрыть историю одной непростой жизни, **Солдатской Жизни**. И в эту непростую жизнь введён всякий рождённый человек, введён для особого соучастия по сложившемуся бытию.

И человекам, родившимся прежде нас и рождающимся ещё при нас и даже после нас, как бы нет числа, они, как Бездна необъятная (не охватишь), великая (не осмыслишь)

³ Поэма Реквием – Вечная Слава Героям.

⁴ Песня Журавли.

и могучая (не уравнивать), рассеяны по всему простору земному. Взором, ежели захочешь (возжаждешь), не окинешь, ибо такое множество сотворено людей для определённых целей и стремлений. Куда токмо деваются после разлуки с телом и, где обретают своё новое дыхание?

Простор же необъятностью увековечил каждое имя человеческое, ни одно не осталось заброшенным или покрытым забвением. Всё хранится до Срока. **Никто не забыт. И ничто не забыто.** И имён множество. И судеб множество. И среди них есть те, кто вошёл в Историю героем и вечной памятью.

Память наша живёт и наполняет бесконечные вселенные, пронзая их своим горячим вдохновением, которое не расходуется со временем, но которое постоянно возвращается и укрепляется всеми чувственными пробуждениями. И им, этим пробуждениям, так же числа нет, оно велико и объёмно.

Дозволенные и незримые (сокрытые от взоров людских) вселенные оберегают (хранят) каждое мгновение – большое и малое, ибо одно от другого неотделимо. А мгновениями непосредственно заведует творческая благодать.

Сама же творческая благодать принадлежит Богу. Он и регулирует всеми источниками наших чувств, ибо сим чувствам, взглядам, шагам будет посвящено это Живое Слово. Оно живое потому, что непосредственно оживает божественным дыханием и слагается всенепременно божественно.

ною грамотою. А божество не имеет каких-либо утеснённых границ, оков и смертного удела.

Слово же (живое, могущественное и всесильное!) объединяет нас со всем Миром единой (необъятной) неразрывностью, но с каждым человеком по отдельности, ибо индивидуальность в рамки не заключена, она имеет множество оттенков, вкусов и настроений.

В этом и смысл, в этом и сущность, вся сила, в этом и раскрывается жажда любого происходящего Случая, особой Причины и многоликого События. Случаю, причине и событию мы пришли из небытия в Бытие послужить телом и душой.

Пришли не волею своей человеческою, ибо от себя не можем ничего произвести и построить,⁵ а Волею Его (божественною), ибо Он Сам организовал для нас определённый смысл, который нам надо постигнуть в теле находясь.

Душа наша оберегается духовною жаждой, она не имеет предела, ибо узаконена божественным желанием, а божественные желания суть бесконечность. Жажда творит успехи. Успехам же дозволено оформляться самостоятельно через подвиги и труды.

Как трудишься, **так** и приобретаешь узаконенное совершенство, а оно (совершенство вкусов и желаний, но не тех вкусов и желаний, что содержат мир тленный, а тех, кои выводят на границы иные) – путь в вечное совладение, в кое

⁵ «Ибо мы Им живём и движемся и существуем...» (Деяния Апостолов, 17-28)

нам предстоит влиться однажды.

Во всём шествует свой особенный (чётко сорганизованный) порядок и благоустройство, как ни странно прозвучит это слово. Этому порядку и благоустройству установлено особое число, в особое число вошли **Миллионы Погибших, Убитых и Пропавших без вести**, а так же **Антипов Фёдор Антонович 1904 года рождения**, **Макшин Анатолий Михайлович 1915 года рождения**.

В это же число (но токмо, минуя особенности и важности, подвиги и труды непосильные) прилепились и мы с тобой, хотя у нас совершенно иная история, нежели у **Тех, Кто осилил путь непростой. Непростой путь – это удел (участь) войны. Мы, благодаря Анатолию Макшину (пропал без вести в июле 1941 года), Фёдору Антипову (убит 26 ноября 1942 года) и Миллионам (1941-1945) этот удел миновали.**

Вечная **Им** Слава и Память!

Будем помнить близких и далёких, будем памятью возлагать низкие поклоны Дедам, Отцам, Мужьям, Сыновьям, Матерям, Жёнам, Дочерям, Сёстрам, и этую Памятью Святой при любви неделимой мы никогда уже не разлучимся ни с кем.

Бог свёл.

Война развела...

Но...

Но мысль (в божественном порядке) не может – ни от-

далить кого-либо, ни позабыть что-либо, этой Благою Мыслью станем удерживать в себе суть событий, ибо единение со всем миром и с каждым человеком сообразует достоверный смысл, и тогда он сам, приблизившись, уже не удалится в сокровищницы вечные от нашей души, но останется всенепременно при нас, и по воскрешении предоставит нам единую общность, ради которой и слагался весь Сюжет этому земному бытию.

История **Солдата**...

Родился человек, такой сладенький и красивый, словно ангелок Божий, живи и наполняйся светом неумирающей любви, не знай ни забот, ни печали, ни горести, ни тревог, лишь собирай добро, и добром наполняй свои летá.

Никто не ведаёт и не знает (и не прозревает), какая участь ждёт этого миленького ангелочка. А пока он лишь нежно посапывает, и нет у него знойных дум и тяжких пробуждений, нет ничего, что может омрачить и преогорчить его дух.

Родился и рос, принимая на себя солнечные радости всех светлых чувств, которым не было ни конца, ни края. Красотою вольготного неба, имевшего различные оттенки, возвеличивалась душа и обнималась с непознанным великолепием, ниспускавшимся Оттуда, откуда вычерчен весьма чётким торжеством удел и жизнь.

Кто вычертил и определил конкретные границы милому созданию? Кто ввёл это прелестное создание на земной порог? И будет ли счастье олицетворять жизненные итоги и ду-

мы, которые станут лавировать по судьбе?

Сколько всего великолепного снизошло с высот поднебесного рая к нему и в него, но токмо сам рай почему-то оказался на пороге узаконенного ада. И ад, и рай слились (смешались) жарким соприкосновением и любви и жадности.

Сама любовь и жадность непременно поизольют из себя горячие и бурные потоки всем чувственным недостаткам. Даже если и пожелаешь не входить в оные самим собой, то доля судьбы заставит соприкоснуться с каждым наименованием поочерёдно, дабы укоренить вечное начало, из коего и родилось дыхание вечного.

К вечному бытию мы призваны сотворческим размером, то есть, Бог есть Сотворитель нашей жадности и наших желаний, вечным мы замерены и вечным же соизволением мы уходим от малого. Малое – это смерть, хотя, по существу своему, смерть не малость, а многость. Смерть стирает любые границы разума, потому что она весьма отвратительна, и на её подступах думать тяжело, порою и вовсе невозможно.

Но всё пока было весьма прекрасно у этого дитяти родившегося и возрастающего на днях и ночах, и в каждом миге он находил свою особенность непростой жизни. Чувства пробуждались на любом водовороте событий.

Бог подарил ему божественную чуткость и божественное понимание, он принимал жизнь текущую великолепием и благородством, хотя насытиться, а тем более, пресытиться таковым всплеском ему и не довелось, видимо, и отмерено

не было.

Как жаль...

Печали да горести преследовали постоянно... Пока (на возрастном периоде лет) сии печали не отягощали ни плоть, ни душу, ведь молодое и сильное сердце всегда устремлялось на вершину многих познаний, а многие познания порождают и многие скорби.⁶

Не унывал, не имел злобного осадка, но завсегда добр и жалостлив ко всем и ко всему. Всюду находил удивление и восторг. Мрачные водовороты чувств не преизобиловали в нём, они были сокрыты и не имели возможность пробудиться.

Лишь нечто страшное (невообразимое) могло отдалить этот божественный восторг, и возвести новые границы чувственному началю. И это страшное ожидало его на пороге войны, коя собирала к себе особенных (мужественных) человек.

Звёздные алмазы при ночном дыхании свежего, шально-го ветра постоянно омывали его благою тайной. Тайна была многолика, не имела преград или некую меру. Так хотелось прижаться на неё своим добрым началом.

Нырлял в эти алмазы и плыл, плыл многие мили вперёд или вглубь. И глубина непомерно увлекала, сеяла торжество многого непознанного великолепия. А в великолепии завсе-

⁶ «Во многой мудрости много печали: и кто умножает познания, тот умножает скорбь...» (Екклесиаст, 1, 18).

гда желалось пребывать. Не выходить бы из него никогда. Так и ворваться бы в могущество бездонного океана, и там утонуть, не возвращаясь...

Но вырос... и стал **Солдатом**. И обернулась его жизнь в покрывало чёрное. Духотою и мраком понакрылось небо душевное. И сердце омрачилось. Чувственная нужда обезличена. Погасли огни бездонные в океане ночи, не подавали больше радости ему эти вольготные и многоликие чувства.

Нет, вся красота поднебесного сияния никуда не подевалась, она так и осталась на своём прежнем месте. Да токмо война и боль размыли все красóты и благие определения, хотя они его звали к себе непрестанно, влекли новыми тайнами и многими думами. Но и тайны, и думы теперь внезапно стали иными, как бы огрубевшими, зажатыми в некий угол, из которого и выхода не видно.

В одно мгновение повзрослел вдруг и стал **Солдатом**, готовым к подвигам. И надобно теперь ему прошагать свой нелёгкий путь до своего особенного места. Оно предназначено лишь ему одному. А мест во вселенных много, такое множество, что умом не окинуть, ни чувством не постигнуть. Но где-то есть именно его место, самое верное и самое надёжное.

Где же?

Хотелось любить, хотелось вольготным счастьем ликовать на земной пахити, хотелось воспользоваться своим правом, чтобы обустроиться в мире и обрести покой и успех, хоте-

лось, хотелось, хотелось... Да тут предстала иная пора...

И пора сия загрузила душу несказанною тяжестью, душа поутихла жаждами, хотя сами жажды не умерли, не поисчезали, но топтали пороги плоти какою-то непомерною настойчивостью, отягощая оную и надрывая мыслями безрадостными, порою и убогими.

Токмо сейчас уже не до вольностей, сейчас решается его судьба, судьба **Солдатская**. И войдёт он в этот покров непростой судьбы и примет всё, даже и смерть. Коли доведётся, то потом и долюбит, дорадуется, домыслит, доберёт своё во всех направлениях, и вдохновением снова восполнит и обновит все утерянные жажды и потребности.

А ежели не доведётся, то пусть потомки после увековечат его памятью Бессмертной Любви, ведь любовь безгранична, вольготна, божественна, она так многогранна, что её истоки не заканчиваются ни на едином всплеске, но лишь увеличивают и расширяют границы. Так пусть же она и послужит и поудержит связь времён. И ему легче будет, и нам светлее станет. А на таковых пажитях мы и не разлучимся и не отделимся от **Солдата**, от его тяжкого Шага, печального Взора и горячей Мысли.

Теперь же важностью отметить его **Солдатский** взгляд и **Солдатский** шаг надобно, ведь именно сие он оставил после себя последующему поколению, как наследие. И увековечить это наследие соизволено нам, ибо так мы не потеряем связь единения. Эта связь единения нам важна на любом пу-

ти. Сей путь и пройдем за ним, за ними...

За **Анатолием Макшиным**...

За **Фёдором Антиповым**...

За **Миллионами**...

Эта непримиримая Война **1941-1945 годов** затронула каждую семью, миллионы полегли на полях жестоких сражений, не вернулись домой к отцам, матерям, жёнам, детям... А потому вспомним всех поименно, и запечатлим сей важный момент в своей бессмертной душе, она есть проводник в Царствие Вечное.

Памятью своей любви почтим **Солдата**...

Памятью своей любви почтим – и **Мужа, Сына, Брата**...

Памятью своей любви почтим – **Жену, Сестру и Мать**...

Родился **Фёдор Антипов в 1904 году**...

Родился **Анатолий Макшин в 1915 году**...

Родились **Миллионы, Миллионы, Миллионы** людей...

Зачем родились?

Для какого истока и особого продыхновения?

Зачем дана Жизнь **Им**, жизнь, наполненная тяготой войны, такой страшной и катастрофической? Есть ли Смысл в **Их** бытии? Есть ли Воля для каждого человека, введённого в Историю Случая, от коего одна боль, утрата и смерть?!

Жить, чтобы умереть...

И умирать, чтобы жить...

Что хотел (хочет) Бог, как Творец всего сущего и несущего, внести на долю **Солдата**? И зачем, по какой причине

Он эту жизнь уравнил **Солдатским** шагом, таким тяжким и жгучим? Ради чего слагалась эра страдания и болезни?

Шаг Солдата...

Шаг Толика... он погиб в Первых Рядях в июле 1941 года...

Шаг Фёдора... погиб 26 ноября в 1942 году...

Шаги Миллионов... погибли в 1941-1945 годах...

Каким таким значимым чутьём, возможностью, важностью Вседозволенный (и опять же Милосердный) Бог поместил Этот Важный Шаг, ведущий в Подвиг? Чутьё, возможность, важность порождают нестерпимую боль.

А боль неизменно ведёт к осознанию чего-то непреодолимого и непознаваемого... Но жаждет ли кому-то это «чего-то непреодолимое и непознаваемое» выявлять своим личным итогом? А сам итог ужасен, отвратителен, омрачён и помечен смертью.

Война...

Зачем Богу нужен человек, человечиска? Для ожесточённой смерти? Или для чего? Коли столько усилий Он положил на Весы Времени, то, получается, что человек Богу не нужен. Но разве таковое понятие может иметь смысл и качество по излагаемым событиям, по всему тому, что было и что есть?

Бог нужен человеку – это точно. А зачем Бог человеку? Чтобы Он ему помогал и обучал. А ежели человеку нужен Бог, то, следовательно, и человек нужен Богу для какой-то определённой цели. Цель ясна, но ясна тому, кто пробуждает

(и воспитывает) в себе духовные навыки.

Глубина же самого единения (между Богом и человеком) – Великая и непознанная Тайна. А тайны нынешнему человеку (ветхому) понять и не суждено.⁷ Коли имеется такая взаимообразная связь, то и, несомненно, имеется и цель. На цель-то сию и направлен Промысел. Промысел имеет успех в любом направлении. Само направление определяет источник важности для нас.

Но...

Но зачем Он (Бог богов) его, этого маленького и неопытного человечка, сотворил и сотворил неизменно Своим подобием?⁸ Почему бы, если уж и сотворил, то сотворил бы без подобия и многоликой палитры словес и чувств?

Один вопрос...

Второй вопрос...

Миллионы вопросов...

Кто-то сеет бесконечные слова и бесконечные мысли, а кто-то тяготую непосильною, но насущною измеряет шагами свою краткую и мимо бегущую жизнь, жизнь, которая дана на Основе Любви, а соизмерена днищем адовым!

Шаг за шагом...

Мысль за мыслью...

⁷ «Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его» (1Коринфянам, 2, 9).

⁸ «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их...» (Бытие, 1, 26-27)

И идут – **Толик, Фёдор, Миллионы**, идут к Нему... А зачем идут-то? Зачем страхом непочатым, изнурением непосильным, адом беспредельным выкладывают шагами путь в какую-то там Вечность, строят себе дорогу в Тайные Совладения?

Неужели вечность сия безжалостна?! Чтобы добраться до Её неоспоримых высот, надобно прежде отмерить возможность некого единения шагами. А каждый шаг – чья-то покалеченная жизнь, чьё-то изломанное сознание.

Эй, Бог богов! Для чего Ты дышишь тяжело, и сия тяжесть душит, гнёт, изламывает волю и чувственную ориентацию? Для чего порождаешь гнилую боль, которая угнетает не только сознание, но и саму сущность человеческую?!

Скажешь, что Ты запределен всему и ничто не касается Тебя Бессмертного, ибо случающееся и мимоидущее оно не в Тебе, а в нас! Но чувственная основа позаимствована от Твоих бесконечных дыханий и прочего, неизведанного и сокрытого и позаимствована не нами, а опять же Тобою.

Нет у человека ненависти, нет у человека любви, но у Тебя всё это в арсенале и с преизбытком хранится до поры до времени! У человека ничего нет, он весьма ограничен и беден во всём, ежели Ты ему не подашь усилие духовного преизбытка.

Так зачем же ещё Ты прибавил к шагам **Солдатским** – томящий душу страх (изнурение), беспомощность, беспокойство и извечный ад?! Вытягивая слова из Твоего бесконеч-

ного источника жизни, желается понять суть таковую.

Будет ли это Знание прибытком?

Пролей, не скупясь, но с щедротами благими, Бог богов, торжество Своё и достоинство События, дабы оно не отягощало ум пытливый, но напитало бы оный верным знанием, дабы воссияло Солнце Правды, и чтобы именно это (а не иное) солнце правды раскрыло Тайну Твоего Божественного Промысла по человеку, по **Толику Макшину**, по **Фёдору Антипову**, по **Миллионам**...

Мне кажется порою, что солдаты с кровавых не пришедшие полей, не в землю нашу полегли когда-то, а превратились в белых журавлей. Они до сей поры с времён тех дальних летят и подают нам голоса, не потому ль так часто и печально, мы замолкаем, глядя в небеса?⁹

Что? что мы хотим узреть в небесах, когда так вдохновенно и с нетерпимой жаждою поднимаем свой пылающий и жаждущий взор в высоту чужую, недоступную ныне? И чужая высота станет ли нам родной, заветной? Она так манит, зовёт к себе постоянно, словно мы нераздельны и сцеплены чем-то важным. Сама важность уже заложена внутри наших чувств и потребностей и заложена Тобою.

И, глядя с невообразимую тоскою в неё, мы ощущаем связь с тою глубинной высотой, ибо чужая высота неведомо как становится вдруг такою близкою, словно сошла незаметно в кладовую сердца и напечатала там свою историю любви

⁹ Песня Журавли.

и ненависти, хотя любовь оставила след вечного дозволения, а ненависть лишь раскрыла покровы для принятия таковой безграничной и благой любви.

Что? что оставил в этой Высоте для нас **Толик Макшин**?
Что? что оставил в этой Высоте для нас **Фёдор Антипов**?
Что? что оставили в этой Высоте для нас **Миллионы**? Что мы пытаемся там выискать и принять на свои незрелые чувства?

Шагами **Они**, воины победители, выкладывали для нас фундамент многих мыслей и многих ожиданий. И чтобы мы могли опереться на сей фундамент мыслей и ожиданий, **Они** своими пылающими и стремительными взорами, пропитанными болью войны, увековечили для нас итоги бесконечных дум.

Именно эти добротные итоги оставлены нам, чтобы мы могли, глядя в Высоту Его, видеть (чувствовать) в ней своих близких, видеть и понимать мысль **Анатолия, Фёдора, Миллионов**... Вглядываясь своим взглядом в глубь добротного покрова небесного, надобно лишь приостановить своё пробуждение, оно всенепременно отыщет то самое место, где однажды был оставлен взгляд **Солдатский**, да и вообще любой взгляд погибшего ли, умершего, ушедшего...

Как много всего непознанного, нераскрытого, но доступного...

Как выznать сие?

Сколько погибших там... Сколько задумчивых взглядов,

мыслей оставлено и запечатлено... Усеяно ими всё небо бескрайнее, ни конца, ни края не видать, бесконечность Бесконечности. И миллиарды звёзд хранят эти взгляды, слова для нас, ибо на каждом вздохе многоликой бездны оставлены следы (мысли) шагов.

Остаётся лишь запечатлеть **Шаги Их** своими шагами, своими мыслями и своими думами, чтобы обрести достойное единение, **ибо никто не забыт и ничто не забыто**. Там вечная память. Она хранит всё, даже самые незначительные итоги. А итоги войны, итоги пропавших без вести, погибших и умерших, не могут быть незначительными.

Давно хотелось, желалось поискать среди многоликой палитры неиссякаемых словес лишь те добротные слова, которые слагают и достойный парад идейных букв, коими оформляется одна единственная дата земного исхода – **9 мая 1945 года**.

И вот...

Наверно пришло время сие, когда и буквы сии строятся в весьма чёткие ряды, дабы собрать и чёткий оформительский строй, на коем можно вычертить смысл горький, страшный, но изящный при множестве словес и чувств. И льются мысли с Высоты Его¹⁰ весьма добротны и легко. И чувствами душа накапливает благодать. И не затихает вдохновенный мотив, наполняет ум и сердце непрерывно.

Как будет выписываться слог оный мне неведомо, ибо

¹⁰ С Высоты Божьих Дум.

Мудрость¹¹ неизведанна, но так как Слово есть дыхание жизни от Жизни Его, то пусть Он Сам и рождает внутри меня (во всём и всегда) Свою последовательность, форму и смысл, пусть Сам же пробуждает мои мысли, напитывая их Энергией своего Разума.

Я лишь буду ловить ритм, и записывать мелодию всех льющихся (истекающих из Простора) слов, которые свободно и легко при светлом дне возводят славу в бытие, на них буду пытаться строить сюжет и настроение, пробуждая вдохновение во всяком чувстве и судьбе.

И вот на важности такой посею слог совсем иной, чтобы рождал он стойкий звук среди многоликих громких букв, которым нет числа в сюжете сём. А что ж потом? Потом объёмный факт судьбы одной, другой... И **Миллионы** судеб встали в строй...

И ждут...

Ждут...

Ждут...

Ждёт **Толик Макшин**...

Фёдор Антипов ждёт...

Что ж, остановимся на том, где будем мы всегда втроём вести беседу ль, разговор. Пройдём мы длинный коридор словес и хмурых, и иных. И вот на образе таких речей построим мир своей душе. Не остановимся уже. Пойдём вперёд или назад...

¹¹ Божественная Мудрость.

Собрать бы мысленный парад тому, кто подвигом любви сложил для нас покой и свет. Сумеет ли держать ответ? Наверно нет... Лишь тихо, свято преклоним свой ум... Среди своих незрелых дум мы будем слушать глас судьбы... И так на чувственной борьбе, не торопя события, но чувствуя итог, родим и свой успех. Здесь вспомним всех...

Анатолий Макшин, пропал без вести в июле 1941 года...

Фёдор Антипов убит 26 ноября 1942 года...

Миллионы...

Вести недолгий разговор, беседу ль тихую, будем втроём – Он, ибо от Него всё исходит и произрастает, то есть, Бог богов. Принять Его собой готов? Коль не готов, иди в иные берега, ласкай свой рай там и забудь про нас.

Мы продолжаем этот сказ на бытии Его Любви. Коль Первый Он, то ты второй, здесь малость некую постой, просей идею божества, ведь человек весьма дотошный и разумеющий буквы и мысли сеющихся слов на своих початках ума при разных настроениях. От настроения же зависит многая успешность.

А без оной успешности человек прозреть не сможет, не осилит важность момента идейного, не выберется из омутов чёрных и сладострастных к светлым берегам. И снова, снова будь готов принять Его, себя, меня, ведь третий я.

И место нынешних обзоров чувств лежат на мне, мне ж надобно достать слова из недр Его Высот, коль Сам Он нуж-

ным всё сочтёт, подаст полезное во всё. Ведём мы тихий разговор, чтобы познать же суть Его Любви, как она могла дожидаться нас. Любовью слышен Божий глас.

Кто слышит, тот живёт и дышит просто. А кто не слышит, тот и не живёт вовсе, и сложный в его жизни даже малый шаг, о бóльшем прорекать совсем уже не сто́ит, для каждого свой глас, своя судьба и прочее своё, хотя и не устойчиво оно. Устойчивость рождается от твёрдости, сама твёрдость укрепляется идеями и целью.

Да вот написание сие возложено на моё непомерное усердие, коему придётся послужить радостно и вольготно, временами, возможно, и тяжело будет и горько. Но во всё надобно пробуждаться неторопливым постоянством, так и стяжается успех любви ли Его, твоей ли внятности и моей терпимости. Пусть же благословение ниспущется на нас свыше и осияет торжественно весь наш чувственный недолгий путь, по коему мы прошагаем с усилием (или без) милю мыслей и не одну.

Главное в этом написании – увековечить память любви,¹² память тех, кто не осилил выйти на исток **9 мая 1945 года**. Но так как Слово объединяет нас с Богом и со всем миром, со всеми вселенными и прочим, то и это слово не будет пустым, лишним или напрасным, но непременно сольётся с вечными словами и прибавится в Копилку Его фактов и усилий.

Видимо, взросло оно, это Живое Слово за прожитые годы,

¹² **Никто не забыт и ничто не забыто.**

и теперь ждёт высвобождения и, видимо, нашло своё личное место в этих многовековых рядах. Так дадим же ему полную свободу и рай, дабы оно в них искупалось, омылось и вырвалось на волю, но прежде... прежде доведётся прошагать ад и оковы, ибо с них растворилась эра нашего непростого бытия.

Сколько придётся шагать через оковы и ад – тоже не ведаю и не прозреваю, но коли Слово себя проявило, то проявлю и свою жажду, пусть же она прольётся горячо и успокоит момент истины, на которую и опирается слово сие.

Не было бы **9 мая 1945 года**, не было бы много чего, но всё-таки это время случилось, следовательно, надобно его возвести в границы Великие и Достойные, ибо время сие положило непростое начало для каждой судьбы. В эти непростые судьбы и мы вошли с тобой по воле Божьей.

Чтобы дошагать до **9 мая 1945 года**, прежде надобно ворваться в страшный день – **22 июня 1941 года**! Ох, этот летний день, искрящийся и светлый, родил беду и ад! Лучше бы вовсе не было этого дня в Нашей Истории земной.

Лучше бы не было...

Но он был... Был для чего? Был для кого? Для чего-то важного. Для кого-то важного. И важность распределяется границами непознанными, и познание стяжается не нами сегодняшними, то есть увядшими на пажитях земных чувств. Потому-то сию важность нам познать не дадено идеей нынешнего (мёртвого) тела, ибо можем мы разве понять важность такого дня на человеческой основе?

Не можем.

А посему и не будем вдаваться в чуткие подробности – почему и для чего случилось! Коли сошёл этот ужасный (дьявольский) день, то и прожить оный придётся на страхе и ужасе, боли и отчаянии... Ибо день сей стал для первых – последним!

А как там сказано у святителя Григория Богослова? Вспомним мысль толковую и полезную: **«Для меня лучше и выше быть последним у Бога, нежели занимать первое место у земного царя...»** Звучит-то Слово весьма хорошо и добротнo, но для иных это хорошее слово стало смертью чувств. И понять можно токмо испытавшему сие или уразумевшему таковое предначертание.

День этот **22 июня 1941 года** – чёрный день, день смерти, её непосредственного господства. И смерть порождает (породила) хаос мыслей и бурю чувств, и нет им конца, все границы размыты временем этого Страшного События.

Отворились врата ликующей бездны, истекли с неё вольготно воды адовы, и мир тотчас же изменил свою сущность, и солнце как бы померкло на мгновения, и синева возлюбленная зловещим покрывалом укуталась и ненавистной предстала.

Забродить же в такие мрачные и гиблые воды и тонуть в кровавых волнах при невообразимом страдании никому не пожелаешь. Погибал человек, не видя надёжного убежища, тонул, захлёбываясь сошедшим адом, некому было протя-

нуть руку помощи, так далека была Твоя Милость и Твоя Любовь, Боже.

Не зрел Твоего великолепия человек погибающий, ибо и небо омрачилось гарью всеусиленной, и воздух пропитался зловонием, да и мысли искривились в путях прерванных, душа умертвила все дозволенные итоги, смысл завершил как бы свою возможность и важность, а любовь (неиссякаемая и приветливая) вовсе удалилась (попряталась) в хранилище недоступное, недосыгаемое.

Не видать – ни света белого, одна тьма кромешная на покрове ночи замешанная. И спрятаться некуда, и укрыться нечем, безысходность повсюду гуляет, души страхом наполняет, и стирается любое правильное дозволение ума смутившегося.

Куда? куда подевалась радость и успокоение? Куда спряталась благая надежда? Всё понакрылось усилием раскрывшегося ада. Ликовал он вольготно на этом тревожном дне, торжеством несусветным (невообразимым) заполнял свои законные владения. И бескрайностью они помечены. Стоны тягучие да плач безудержный, скрежет зубов и рыдания зловещие – всё это изливается с его днища, покрывает землю, перемалывает и обратно забирает назад.

Невозможное обращается в возможное. И текут моря кровавые, ужасом замешанные, стекают внутрь преисподней, и гудит она, воет и алчет, не напитываясь ничем. Всё ей мало и жаждет бóльшего. Хочет проглотить всякое смущение

и ожидание...

Да и смущаться уж нечем и ожидать-то, что можно? Всякое добро и святое величие понакрылось вдруг сошедшим страданием... Ничего не осталось надёжного, верного, только пагуба гуляла по всей земле матушке, гуляла и разбрасывала семена смертные... Ох, и веселился ад мощью своего глумления...

Куда попрятаться бы?

Где схорониться?

Прождать бы момент сей безрадостный... А ведь всюду отыскивает, каждую голову покрывает болезнями...¹³ Нет конца, не видать и краешка даже... Будто всё бесконечностью выгравировано. Как дышать и во что уже верить?

Почему? почему? почему Ты, Боже, возлил на малого (беззащитного) человека Историю Своего Великого Гнева? Зачем подал эти ужасы, обречённость и беспокойства душе мятущейся? И ради чего же Ты пролил град, жупел и прочее?

Все ответы у Тебя имеются, а у нас лишь одни вопросы, и вопросам числа нет. А прознать всё же хочется. Видно вечностью душа напитается, там она понакроется знанием, обретёт и своё дозволение, им потом и успокоится. А теперь лишь остаётся собирать итоги по всему случившемуся и случающемуся.

Но не дай, Боже, боле никому испить чашу сию, хотя по Твоему призванию и Сын Человеческий испил Чашу Стра-

¹³ Страданиями.

даний.¹⁴ Знамо, что на деле страдания солдат, жён и матерей, по человеческому разумению пишу так, не сравнить с Сыновним Страданием (Три Дня и **1418 Дней и Ночей**), но и равнять никого не желаю, ибо каждому воля, равенность – своя определённая и мера своя личная, как и страдание, жажда и смерть, и дозволенный итог по Событию.

Всяк бы возжелал пройти мимо чаши таковой, всяк хотел бы обойти её стороной... Не прошёл, не прошёл... Не сумел обойти и не пить чашу сию горькую, адову. И **22 июня 1941 года** стал чёрным днём земной истории нашего поколения.

В другие поколения, возможно, не загляну, ибо важно увековечить смысл **9 мая 1945 года** (в этот день снято наказание), как самое великое Событие века человеческого, нашего с тобой века, ибо при наших дедах и матерях сей век родил бездарный ад и чёртов хаос.

А так, на равенствах борьбы и многих чувств, любое время с момента Бытия – тяжкое и назидательное, токмо не каждому живущему сие назидание жаждется. Но каждый может выведывать, исследуя собой, время любое.

Во времени нам подаётся свершение некого события, ему мы и послужить уподобились... Чем наполним время своё, какими событиями его оформим, тем, следовательно, стяжаем и свою вечность, она от оформленного истока организу-

¹⁴ «Авва! Отче! всё возможно Тебе; пронеси чашу сию мимо Меня...» (Мк. 14, 35-36). «О, если бы Ты благоволил пронести чашу сию мимо Меня! Впрочем не Моя воля, но Твоя да будет...» (Лк. 22, 42)

ется для нас.

Однако ныне мы остановимся на исходе **22 июня 1941 года...**

Подвиг...

А какой он подвиг? Что он включает в себя? Чем соизмеряется и чем уравнивается? И уравнивается ли в таком непростом моменте? И слышен этот грозный набат, доносится со всех четырёх сторон: Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой, с фашисткой силой тёмною, с проклятою ордой... Встаёт страна огромная, встаёт на смертный бой, с фашистской силой тёмною, с проклятою ордой!¹⁵

Подвиг имеет обширные границы и даже невероятно обширные (умом не постигнуть), так как он не содержит в себе некие (кой-какие) ограничения чего-то малого или большого, ибо подвиг – суть бесконечность. Бесконечность для нашего познания и определения вычерчена весьма малым шагом. Но и малый шаг внесён в Историю Великого Подвига, ибо нет ничего незначительного в Творческом Процессе, но всё имеет определённый вес и формат.

Именно на сих условиях предуготовливается почва для последующих шагов. А каков шаг – это уже неизменно решает судьба, коей управляет (и руководит из Всего видимого и невидимого) Некто Неизвестный или Весьма Известный.

Известный или Неизвестный – это определяющая важность сотворческого благоприятия, то есть, всегда творить

¹⁵ Песня «Священная война».

во благо, учитывая, что благо сущность добра. А сотворческое благоприятие всенепременно зависит от того, **кто и как** стяжает внутри себя Божественное (обязательное) Начало, ибо всем заведут Бог, а Он для одних – известен (вера раскрывает сей важный момент, соединяя Одного с другим – Высшего с низшим и наоборот), а иным (не воспринимающим и не понимающим веру на важность жития, разделяя, непосредственно, Одного от другого – Высшего от низшего) – неизвестен.

Выбор предоставлен. Остаётся лишь стремление, оно и усердием узаконено ещё, а сие у каждого имеется. Никто не лишён сего. Следовательно, стремление к единству, либо к разделению – это уже зависит от нашего навыка. Навык закреплён премной мыслью. Мысли свободолобивые, но и свободолобивые мысли стяжают твёрдостью характера.

Как воспримешь, **так** и проживёшь удел земного соизволения. Все знания (обучение жизненное) надобно принимать в себя при достоинстве, а не ограничиваться лишь тем, **что** удобно и **что** нравится. Такая вязкая страсть порождает многие недостатки, а они урезают момент истины и отдаляют от верности восприятия.

Без истины и верности выжить вообще невозможно. Включим же себя нынешних в познание, определяющее нашу важность и нашу верность посредством **Их** (солдатских) **Шагов**, и тогда воссоединимся с теми, кто уже Там, и кто уготовил нам это желанное благоприятие. Сия неразрыв-

ность нас объединяет друг с другом.

Без Них, без **Толика Макшина**, без **Фёдора Антипова**, без **Миллионов пропавших без вести, погибших и умерших** – мы никто. Они предоставили нам свободу... Остаётся токмо шагнуть в неё Памятью Любви, шагнуть и воссоединиться... Осилевший такое предназначение приобретает для себя богатство и полезность. Богатство при духовном прииске – это самое лучшее, что добротнo стяжать при нашем житии.

Эра Шагов вычерчена **Солдату**...

И **Солдат** должен сложить свой шаг, и шагами выстроить надёжный фундамент последующему поколению. В это последующее поколение мы с тобой вошли, а потому и обязаны придать важность (ценность) таковому **Солдатскому Шагу**.

Кто-то скупo и чётко отсчитал им часы нашей жизни короткой, как бетон полосы, и на ней, кто – разбился, кто – взлетел навсегда... Он кричал напоследок, в самолёте сгорая – ты живи! ты дотянешь! – доносилось сквозь гул. Мы летали под богом, возле сáмого рая. Он поднялся чуть выше и сел там... Встретил лётчика сухо райский аэродром. Он сажился на брюхо, но не ползал на нём. Он уснул – не проснулся, он запел – не допел...¹⁶

Кому-то даровано о-о-очень много прошагать, а кому-то о-о-очень мало, но сию объективность нам так же не выявить сегодняшним умишком, для этого нужен совершенный ум, а

¹⁶ Песня о погибшем лётчике.

он совоспитывается, как знамо, духовными прибывками, то есть, познавай Бога, и Бог Сам раскроет Свои знания тайные.

Всему человечеству определена История Важных Шагов, которыми складывается земная возможность. Порою – это всего лишь один единственный шаг...до смерти, но он не остаётся незамеченным, ибо глубина трудоёмкости не связана исчислением неким, но выявляется сердцем.

Для кого-то и считанные секунды выделены – такие крошечные, но Значительные... Каждому предоставлен свой личный (возможный и существенный) предел.¹⁷ И наследовать сей предел весьма сложно и тяжело. Но наследие (путь к Вечности) не обходит никого стороной. Никто не лишён меры. Кто-то шагает трудоёмко по плоти, а кто-то трудоёмкостью души осиливает шаги идущих... Тут мудрость.

Солдатский шаг вычерчен подвигом, о котором забыть невозможно, да и стыдно забывать. Этот невероятно трудный шаг, ведущий за пределы Бесконечности, является для нас возможностью любви, которой мы объединены – **Они** воевали, чтобы мы жили, и мы живём, чтобы **Их** помнить.

Дабы выйти за пределы Бесконечности, надобно уверенными (и достойными) шагами дойти до ада, осилить оный своим чувственным долгом, взволновать потоки крови до безумств и...вырваться, вырваться из оков плоти.

Как тяжёл, труден и опасен сей путь земных шагов... Какие сильные тела собраны для таковых объёмных возмож-

¹⁷ Граница.

ностей. А возможность дана избранным. А избранные шли вперёд, не оглядываясь назад, шли с одною мыслью и с одною целью – победить врага!

Каждый шаг бойца – подвиг, и чем больше шагов, тем выше и обширнее подвиг, который не уравнивает единицу измерения, так как на каждом шаге решается чья-то жизнь. А одна жизнь – это весьма много, ибо она включает в себя всё – от малого до великого. Одна жизнь прилепляется к Другой Жизни... И одна жизнь так же обрывается Другою Жизнью.

Зачем?

Понять дано ли смертному на чувственном уделе бытия событие таких набегов? Когда бы иль ты хотел принять такое право слов или чего ещё, то надобно бы нам родить в себе Начало всех. А коли по началу чувств своих имеем торжество лишь собственных усилий, жажд, то и понять уделы Божьих Замыслов и Божьих Дум – дано не всякому творцу любви, но лишь тому, кто может по душе благой избрать благое дело, и на достоинстве добра земного навыка при светлой воле и удержать до самого конца.

Но если нет таких намерений в желании добытия словес, то и познание стяжается иным достатком слов при умысле и тяготе иной. О, ещё какой удел рождает благо дел?! Какой, ты спросишь? Тебе я не отвечу, ведь ты и мастер слов своих. А потому рождай добротолубие в себе самóm и сей любовь – душа к душе.

А ежели сего же не отыщется на сфере многоликого ума,

то и не сей сии добротные слова, а лишь постой в сторонке бытия, и бытием подумай о другом, о том, как шёл **Солдат**, твой дед на тот **Последний Бой (1941-1945)**, когда ты вовсе не взирал на суть его любви.

Увы, увы...

К чему тогда твои труды, когда на жажде слов своих незрелых и пустых ты роешь чувства перезрелых дум? Остынь, забудь людское зло, и обрети терпение своё на смысле этого Покрова, когда тебе и мне уже готова Идея Века, но иного, на кой порог идём мы не спеша.

Идём...идём...

А поспешить бы надобно...

Но вот дела...

Дела...

Но ведь **Они**¹⁸ сложили жизнь для нас не зря! Чтоб мы могли доробгою шагать спокойно и легко, минуя всяки тяготы и зло, и те, их до-о-олгие шаги, считать за многое дыханье чувств своих, которым нет числа – ни здесь, ни Там.

А чувствам каждого мгновенья бытия мы сеем слог – и ты, и я, и Он... И Он среди мгновений бытия рождает свет и тьму... Я не пойму – кому, и для чего рождать во тьме свет долготы и широты, той долготы, где мрак не чертит путь любви (лишь наполняя ожиданием всегда), той широты, когда несётся свет любви, несётся мимо сквозь года. Куда несётся и к кому? Зачем? зачем? и почему?

¹⁸ Анатолий Макшин, Фёдор Антипов, Миллионы...

Зачем та широта и долгота даёт удел границ для многих лиц? В сие лицо вошла твоя, моя судьба... Кому она была нужна? Тебе и мне... А как же тот, кто там, на ужасе тревог, посеял боль и ад в себе, собой? А тут ему готов парад, парад надежды и успеха, но вот незримая помеха дала обзор иному бытию... И сеет мрак его судьбу.

Бежит **Солдат** вперёд...

Не упадёт...

Его Мать Родина зовёт... Зовёт...

Оставил позади свои прекрасные и светлые мечты, теперь лишь тяжкие шаги... Шаги... Шаги... За каждым шагом – боль и страх, отчаянье и непосильный труд... Он всё равно бежит вперёд, лишь токмо смерть сей путь и оборвёт.

Надежды нет?

Надежда где-то глубоко, и на душе совсем темно. Но в темноте мелькает свет, такой далёкий и живой. Как ухватить его собой? Как удержать его мечтой? Тьма сеет ад и непростой. Ад обрывает светлость дум. Волна безумств...

Солдат изжил свою мечту, изжил себя¹⁹ на образе любя неведомо кого. За что? Нет боле света, нет и тьмы. Есть токмо взгляд его мечты, который он оставил, вдаль глядя, чтоб на мгновении без зла, порой земной при сборе сине-чёрных туч мир показался нам тягуч. Чтобы, взглянув в сии небесные глаза, мы бы узрели в них себя через него, кто здесь погас, как луч любви Его.

¹⁹ Изжил и тело, и слова.

Погас за что?

За что?

За нашу радость и покой, за мир, за счастье, за любовь, за эту тёплую слезу, которую прольём незримо сердцем за него, хотя не ведаем того, что та слеза родила ад, **Солдатский** ад, когда бежал вперёд с мечтой, да рухнул замертво герой...

Тут постоять достойно будет в молчании своём. И память вечностью всех сúdeб пусть разольётся в сердце тихо, свято и легко, чтоб было им не тяжело дожидаться часа своего до Дня священного того...²⁰ Ведь день же тот обещан был.²¹

Здесь снова встало божество его, **Солдата** принявшего смерть за нас с тобой. Смутилась твердь... Покоя нет, ибо мечта, его мечта, застыла на чёрной и зловещей туче, в которую он вперил взгляд... Солдат измучен, но не оглянется назад.

Он впереди... Не позади... Не в стороне... Не в тишине... Он в центре ада... Пусть же мучения его не смоют отзвуки того, как он прошёл за шагом шаг... Пусть будет благ и сам и свет его, в котором, пребывает ныне он. И ждёт тебя... И ждёт меня...

Теперь постой – и мысль, и вопль...

Предстала скорбь...

И чертит шаг... И шаг тягуч...

Оставив позади себя своё – и жизнь, заботы, все труды, мы

²⁰ День Пакибытия.

²¹ «...и Я воскрешу его в последний день...» (От Иоанна, 6, 44).

будем слушать тишину на синь глядя. О, велика́ и глубока́!
Как велика и глубока та Синь! Там взгляд его, такой прон-
зительный, но ясный! Счастливый Взгляд или Несчастный?

Вглядимся вдаль, она хранит **Последний Вздох**...

Он жить бы мог...

Мог Жить!

Но умер он...

А мы живём! живём и в ту вершину лишь ползём через
шаги его и боль... Но надобно бы нам послушать тишину, в
ней столько звуков, столько чувств... Там пробуждается наш
дух... Любовь воскреснет памятью шагов его. Воскреснув,
воскресит и нас...

И в этом – смысл, и в этом – благость, радость, всё!

Теперь же шествуем вперёд... И памятью своей все чув-
ства соберём в один поток. И чувствами запечатлим **Шаги**
Солдата, **Мысли** Солдата, **Взгляды** Солдата. Они оставле-
ны нам для единения с ним, чтобы, вглядываясь в их глуби-
ну, мы могли бы постигнуть его нестерпимую боль, страда-
ние и вечность. Тут наша жизнь, в познавании и размышле-
нии, она не где-то позади или в сторонке остановилась, она
запечатлена шагами, взглядами и мыслями **Солдатскими**.

Нам лишь токмо утихомирить дух надобно, да прикос-
нуться к сему с почтением и благоговением... И, прикоснув-
шись, узреть, услышать мгновения, коими и была сохранена
Солдатская сила, мужество и непоколебимая воля.

Незримый подвиг каждого бойца (**Анатолия Макшина**,

Фёдора Антипова, Миллионов) – подвиг, достойный низкого поклона, подвиг, который далеко не всякий осилит и выдюжит. Ибо и для подвига готовится особое тело и душа.

Вообще для каждого особенного человека (а при том любовью человек является особенным, ежели унаследует Основу Бессмертного Равенства на добрых початках) готово множество словес, по коим тело собрано безмерным потоком неиссякаемых (бессмертных) чувств.

Чувственная основа **Солдата** собрана была таким же избытком, хотя само избытие сумело вжаться на малое число, которым и выведена его дорога кратчайшая, но такая дли-и-инная... В малость шагов включена **Солдатская Слава!**

1418 Дней и Ночей...

Вечная Память...

Ныне же, на этой жажде чувственного долга, хочу прописать о двух бойцах (**Макшин Анатолий 1915 года рождения** и **Антипов Фёдор 1904 года рождения**), которых и желаю увековечить словом и мыслью, текущих с Его (божественных) обширных Высот, как рай, но при выписывании сии слова оборачиваются почему-то в чёрное покрывало ада.

Буду по мере словесного Ручья попеременно вставлять их имена, чтобы они ощутили неразрывную (крепкую) связь родства – **никто не забыт и ничто не забыто**. Мало знаю про их жизнь, в коей они сопребывали прежде, но пусть же малость сия не будет заключена итогом каким-то незначи-

мым или скрупулёзным, так как сама жизнь была для них (**Анатолия** и **Фёдора**) весьма непростой, а порою и тяжкой. Были и радости, конечно же, но война стёрла из судеб эти малые радости, хотя Вечная Память хранит и малые итоги Главному Дню, ибо без сего никак.

Смерть...

Как она ужасна и отвратительна. Она убога (у бога).

Смерть выводит на рубеж пакибытия.²²

Однако рубеж сей для нас невероятно отдалён, но это оттого, что заземление чувств ликвидировало память тех Величественных Вдохновений, на которых заложен или закладывался фундамент нашего вечного исследования. Сие исследование, как ни прискорбно прозвучит мысль, нас заставляет страдать, скорбеть и умирать. Но пока смерть ещё тревожит чужие рубежи, нам тут надобно мыслью Пакибытия увековечивать Солдат, Жён, Матерей, вступивших на порог смерти, и теперь уже осваивавших рубежи иные. Есть или нет рубеж сей в твоей голове мысли – это уже не имеет никакого значения, ибо для нас с Ним²³ сей Рубеж есть.

Вот в этом Бессмертном и славном (незабвенном) Рубеже (а он удерживает связь всех времён и народов, начиная от первого Адама) наметился один воин – **Фёдор Антипов (1904-1942)**, и наметился второй воин – **Анатолий Макшин (1915-1941)**.

²² Новое бытие.

²³ С Богом.

Это мои дальние, а может и самые ближние родственники, ибо в Адаме и Еве мы все имеем одно полное число чувств, родства и единения. А по человеческому (земному) исчислению – один из них мог бы стать моим дядей, а другой – дедом.

Да вот не суждено было, ибо один погиб в Брестской Крепости (суший ад!) 26-ти лет от роду, это пацан **Толик Макшин, стрелок**. А как его назвать? Молодой, умный пацан, который мог бы! мог любить и быть любимым, со многими талантами и достоинствами. А на деле же он умер в расцвете лет на начале войны в **1941 году, пропал без вести**, связи нет с **21 июля**.

Какие ужасные (бедственные) слова «**пропал без вести**», это самое жуткое на войне, потому что ничего не остаётся после человека как бы, настоящая мясорубка, нельзя найти и отыскать – пропал безвестно **известный Сын** у Матери.

И как тяжела, печальна и горька участь этой матери (моя прабабушка Макшина Евдокия Фёдоровна), принявшей на себя столь нещадный удар, и забыла о былой радости, удалилась оная госпожа в хранилище недосягаемое, и всю оставшуюся жизнь провела в молитвах и слезах, не забывая ни на миг о любимом сыночке **Толике**.

Второй, **Фёдор Антипов**, погиб **26 ноября в 1942 году** – направление Ржев-Калинин. Снарядом снесло череп. И ему было лишь 38 лет. У него осталась жена и три дочери

хотя бы. И с них поколение не обветшало. Первичное место захоронения: Калининская область, Нелидовский район, деревня Каменка, восточнее, 1 км, опушка кустарник.

Как мало букв в слове «убит», но как много горя пришлось выстрадать родным и близким. Жёну **Фёдора Антипова** (моя бабушка Антипова Екатерина Михайловна) вызвали в военкомат, там, услышав это страшное слово, она тут же рухнула на пол, как подкошенная. И с того момента стала вдовой воина, и растворились для неё врата непосильного труда. Много горя хлебнуть довелось.

В этот Бессмертный Рубеж пусть войдут все погибшие в той **Страшной Войне**. Так они и вошли. И тоже предстали для некого сотворчества Божьего. Пусть Бог их и приласкает и утешит, ибо прежде Он их не гладил по головке, а выкинул на поле страха и унижения. Зачем выкинул, спросишь?

Так и я спрошу...

Вопрос брошен в Пустоту...

И пустота не молчит, не угасает со временем, она отвечает, она разносит итоги всех, и больших, и малых, мгновений, разносит по округе... Слушай же Молчание, внемли сим тревожным звучаниям своим собственным усердием...

Оно, это Великое Молчание, не утихает...

Оно сеет многие итоги...

Токмо ответ кто-то услышит, кто-то не захочет услышать, а кто-то и вовсе не разберёт никоим образом, ибо одурманились чувства мирскими заботами и пустыми, бесцельными

трудами, да и сердца озлобились излишествами, и чувственная основа покривилась на деле, ибо иным увлечениям подвержена.

Однако ответ есть и весьма явный, откровенный. Надобно лишь углубиться в слова добротные, коими наполнена вселенная... Покопайся в своей голове, потревожь умишко – зачем война порождает страх, порождает страсть, порождает ад и порождает смерть?!

Что ж, давай с тобой вместе крикнем Богу в Его же небо – зачем война порождает гниль и кромешный ад? Крикнули... Крикнули громко! Полетел этот крик в небо, а небо уже и под нашим с тобой сердцем наметилось, растворились врата незримые... Осталось лишь заглянуть туда, и там, там отыскать полезное буквенное дыхание.

Постоим чуток на воскресающей мысли, поудержим оную внутри себя любовью святой и достойной. Не будем устремлять свой пылкий и метущийся взор на небеса могучие, ибо не надобно нам там выискивать Божье Начало. Оно внутри нашего ума и нашего сердца предстоит всегда и будет предстоять вечно.

Почтим же сии важные и значимые минуты торжеством проснувшихся (и не умирающих никогда!) чувств. И поглядим, а какие мысли сойдут из кладовой души на сии листы многоликими и звонкими буквами. Ощутим добро в себе при размышлении.

Вычертим небо божественное на пажить земную сердцем

нутра своего и прилепимся на Твердь Бесконечную Его, ибо Он сеет Своё Усердие в наше земное начало непрерывным (преизобильным) потоком. Осталось лишь принять, поняв сущность сего. А, поняв, определить и свой земной уклад, и свою сущность.

Итак, зачем война породила ад?

Зачем измучены и убиты **Миллионы**?

Подвиг **Солдата**...

Приостановим вопящую мысль свою памятью не оскудевающей, и пусть она удержит миг сей доблестный, святой по **Толику Макшину**, по **Фёдору Антипову**, по **Миллионам**. Продышим чутьё нервов восставшими секундами, объёмными минутами, можно и великодушными часами и даже днями, но тогда сюжет останется не выписанным, а надо выписать подвиг **Миллионов (1941-1945)** и подвиг двух – **Макшина Толика (июль 1941)** и **Антипова Фёдора (26 ноября 1942)**.

Тебе помогло таковое продыхновение? Вспомнил ли ты своих славных воинов-победителей? Запечатлел ли момент истины и солдатской славы при достоинстве своего колеблющегося ума? Вывел границы подвига и бесконечного величия?

Я уж не ведаю, не прозреваю, но буду лавировать в словах и мыслях, в Словах Его и Мыслях Его, может быть, к концу написания, выявится чёткое торжество и великодушные любви Его по отношению к каждому пропавшему без вести, уби-

тому, умершему...

В тот год, в тот **1941** год, но за несколько месяцев до **22 июня**, **Толик Макшин (1915-1941)** написал матери предупредительное письмо из Ташкента: «...**мы заболели тою болезнью, от которой остались сироты...сушите сухари...»**

Эта чёртова война...

Да, чёртова...

Но война порождает достойную святость.

Нужна ли нам такая чёртова война на прибытке святости? Нам не нужна. Неужели она нужна Ему? И Ему не нужна... Так кому же она вообще нужна? Чувственному началю, из коего собирается пакибытие. Жёсткое великолепие, и оно породилось убожеством ада.

Ох...

Да, безрадостно.

Принять и понять сие торжество непросто тебе наверно. Тебе непросто. И мне непросто. Но внятность всё же пробуждает ориентир такового началия, которое, кстати, никому не пожелаешь. Да вот от нашего восхотения мало что зависит. Мы бы и хотели, возжелали изменить существующее уже или оформляющееся ещё, но не можем даже изменить ход своих мыслей, коими оформляется пажить земных лет, что уж глаголить про большее и от нас не зависящее?!.

Он (Бог богов, Первый и Последний) порождает (и уничтожает) всё случающееся и случившееся, ибо от Него – и

мысль, и пробуждение, и отчаяние, и воля, и святость и прочее, прочее, прочее, до бесконечности, однако.

В нём, в творческом процессе, намечена любая воля и любое соучастие труда и неизменного дыхания, ибо по сим важным величинам в нас (в человеках) удерживается Его (Божья) неприметная, но весьма ощутимая сила духа. К ней мы прилеплены всецело, и потому нераздельны с Ним ни в чем-либо, ни с кем-либо. Им мы и созреваем, духовностью наполняясь непрестанно, желая того или не желая.

Много ли, мало ли, в самый ли раз, но итоги чувств и дум будут просчитываться идеями оформляющейся ныне и оформленной прежде Вечности, на которую поставлен всякий человек. И поставлен не просто так, ради пустоты или забавы, но для какой-то определённой Цели, познать оную можно и при первом житии исследованием добротной Мудрости, она всегда вращается окрест нас, возжажди токмо, поизольётся изобилием! Не имея на резерве мудрость (её основы), и познание удаляется в вечную копилку идей и целей. В запустении жить опасно, многие недозволенности злобою порождаются.

Кто-то познаёт сегодня, тот и удивлён (изумлён) будет необычностью (странностью) знания, а кто-то и никогда не выведет свою прямую, по кривой так и тянуться продолжит то ли вверх, то ли вниз, то ли вправо, то ли влево, то ли на одном месте топтаться продолжит.

Выбор у каждого в сердце и в духовной направленности. И

сама направленность имеет свой личный вес и цель и смысл, ибо без неё невозможно определиться в событиях: для чего, зачем и почему. Кто имеет духовную направленность, тот сможет и отыскать ответы на сии многозначимые вопросы.

Война...

Как мало букв, как много боли. И вот на этом приговоре родился ад духовной воли, которая сломала плоть, ввела её на боль и скорбь. И в этой скорби нет предела... Томила, мучилась, гудела, рождая ад. И дух всей плоти крепко сжат.

Как выдюжить и не сломаться?

С душою ли пора расстаться? Как вырваться с тисков предсмертных дум и адских мук?! Но слышится далёкий грозный звук, пронзающий насквозь и ум, и плоть... О, сколько нечисти здесь развелось. Как вырваться из адовых уделов и забыться?

Плоть оробела...

Душа хмелела... Кровь очумела...

Лишь сущий ад из преисподней вертелся, бегая, резвясь. И жамкал крепкие тела среди ночи и среди бела дня. Стонала матушка земля. Война размыла смысл и волю, да и надежды нету боле. Остался страх заиндевелый... Топтаться что ли в нём?! На подвигах все страхи изнурились, хотя непросто выписать сей слог. И кто бы мог удерживать уделы бытия, когда стонала и кипела вся страна?! День победы, как он был от нас далёк, как в костре потухшем таял уголёк. Были вёрсты, обгорелые в пыли, этот день мы приближали, как могли... Пол-

Европы прошагали полземли, этот день мы приближали, как могли... Этот День Победы порохом пропах, это праздник с сединою на висках, это радость со слезами на глазах...²⁴

И подвиги рассыпаны по всей вселенной и далеко за её пределами, подвиги войны. Мы б не смогли... И потому нам память остаётся. И в памяти такой и мысль сия даётся. **Забудем мы – забудут нас . Но никто не забыт и ничто не забыто.**

Помнит Вена, помнят Альпы и Дунай, тот цветущий и поющий яркий май, вихри венцев в русском вальсе сквозь года помнит сердце, не забудет никогда... Над Веной седой и прекрасной плыл вальс полон грёз и огня, звучал он то нежно, то страстно, и всех опьяняла весна... Весна сорок пятого года, как долго Дунай тебя ждал. Вальс русский на площади Вены свободной солдат на гармонии играл.²⁵

Человек, рождённый на эту (земную) жизнь и на эту (земную) пажить бытия, сошёл искрой любви, любви непознанной, но верной, хотя на сущности такой сия любовь нам не подвластна, поэтому рождаем мы итоги чувств иных.

И для чего сие?

О, да, для Чувств Иных, в которые введёт всех смерть, такая вязкая и злая. Но речь не про всех, а про избранных. А избранные те, кто прошёл путь войны, кто стёр ад своим достоинством, смелостью и верою, увековечив своё имя веч-

²⁴ Песня День победы.

²⁵ Песня Майский вальс.

ным бессмертием! Оно, это Вечное Бессмертие, никого не вытеснит из узаконенных границ, оно удерживает неразрывную связь с каждым человеком! Все имена вписаны в Историю! **Пропавшие без вести, убитые, умершие...**

Никто не останется в сиротливом и убогом одиночестве... Никто не будет забыт, брошен, либо пропавшим без вести... Каждое имя, каждый взгляд, каждый шаг, каждая мысль и каждый последний вздох помнит и удерживает Великая История Событий. Мы можем пренебречь, но Тот, Кто в нас, Он хранит всё... Уподобимся же всему великому и славному, не забудем тех, кто осваивал страшные рубежи для нашего нынешнего шага, взгляда и вдоха...

Анатолий Макшин – 1915-1941...

Фёдор Антипов – 1904-1942...

Миллионы, Миллионы, Миллионы – 1941-1945...

Много и войн было на веках человеческих судеб, изначально война породила бытие земли.²⁶ Но в таковое начало вводить историю своих чувств мы не будем. Нам лишь нужно увековечить доблестный итог, внесённый на такой Важный и Великий (победный) День – **9 мая 1945 года** и увековечить **Имя Солдата** – известного и неизвестного.

Итог и радостный для нас, ибо мы не входили в то страш-

²⁶ «И произошла на небе война: Михаил и Ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали против них, но не устояли, и не нашлось уже для них места на небе. И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый Дьяволом и сатаной, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним...» (Откровение Иоанна Богослова, 12, 7-9)

ное число, вовлекших идею ума и тела на Подвиг единый. Не мы, живущие ныне и пользующиеся свободолобиво добротными днями и ночами, а они, герои, воины-победители: **Анатолий Макшин (в июле 1941 года пропал без вести), Фёдор Антипов (убит в 1942 году 26 ноября), Миллионы, миллионы, миллионы погибших (22 июня 1941 – 9 мая 1945)**, имеют достаток любви, который понять умом своим невозможно.

Для нас же лишь память по тем временам остаётся, ежели мы хотим приблизиться и войти в то Избранное Число. **Помнить, чтобы жить и жить, чтобы помнить** – вот совокупность нашего преуспевания и слития с ними, с теми миллионами душ.

Солдат... Сколько шагов у него до Победного Берега? Разве можно высчитать эти шаги, которыми запечатлена земная волюшка, злая долюшка?! Как до-о-олог путь и как кратки мгновения, разделяющие шаг от шага.

Один...два...три...

Сто, двести, триста...

Миллионы шагов помнит Земля, погрязшая в крови и хаосе, в томлении и безволии, в ужасе и сумятице... И ни один из сих многозначных шагов не будет – ни позабыт, ни обезличен. Ибо у Него²⁷ всё сопричтено на Великое и малое. И Великое, и малое – достойно наград.

Поражений нет.

²⁷ У Бога.

Подвиги есть.

И не токмо **Солдатский Шаг**, но и **Взгляд**, затихающий и сильный, запечатлён вечным дыханием Его бессмертной Любви. У Бога всё учтено и ничто не остаётся неизмеренным, забытым, напрасным. Даже последний **Вздых**, такой изломленный, но святой, внесён в Великую Историю Событий. Потому-то и **никто не забыт и ничто не забыто**. Небо объединяет нас могуществом любых наименований, не разделяет, не разводит, но на одну прямую выводит.

Ведь божественное дыхание, которое неизменное и непрестанное, не в силах умертвить итоги, по коим слагается существенная и достойная Вечность. Она есть, хотя бы некто и отдалял оную своим умишком. Она не в силах затеряться, либо раствориться по чьёму-то человеческому нехотению или незнанию. Незнание и нехотение регулируется совершенно иным дыханием. А что это за дыхание – каждый уже может познать без особого утруждения. Именно оно, это незнание и нехотение, введено Событием на жажду и сравнение.

Одни ищут своею жаждою сравнения и признаёт сущность свершающегося События. Другие сие Событие считают некою случайностью, но случайностей в Божественном Промысле **не** существует, ибо каждое движение имеет свою особенную форму и смысл. В этом заключена вся Мудрость, Достоинство и Пробуждение.

Важность такового явного утруждения внесена всенепременно на человеческое начало. Само начало устремляется на

высокие смыслы. А высокие смыслы пробуждают усыплённый дух. Дух (а он бессмертен!) подаёт мысленную основу на словах, в сём моменте рождается связь и единение с Тем, Кто сие сосложил и внёс в человеческое начало для особого промысла и соизволения.

Промысел и соизволение предопределяют Историческое Торжество. Этому-то историческому торжеству надобно и укрепиться в ветхом человеке. И укрепляется оно душою через страдания плоти. Сами страдания определяют границы некою особенностью. Особенность – это духовные прииски. Прииски, то есть, добытые жизнью знания, формируют дух. Что происходит далее – уже и так понятно.

Этот дозволенный сюжет выписывает непростой слог уже под воздействием четырёх соучастников, как четырёхугольный непоколебимый город.²⁸ Впереди всех шествует Божий след мыслей, с этого бесконечного и безмерного источника течёт превеликое изобилие букв, слов, целых предложений, сие воздействует на мой дух, распалая его оным вдохновением, с полей коего притекает в моё мятущееся сердце некая идея, которая оживляет известного (неизвестного) героя, и он вместе с нами бежит торжественно, свобододолюбовиво и безудержно по текущему буквенному изобилию, помогая удерживать идею и замысел, и замыкает сие дивное шествие всё тот же жизненный Божий след мыслей, на который может

²⁸ «Город расположен четверугольником...» (Откровение Иоанна Богослова, 21,16)

опираться любой из живущих ныне. И не токмо опираться, но и наполняться его благою, торжественною славой, той славой, коя подаёт право на подвиг ради любви.

Любовь имеет великое множество и начал и прочего, не выведенного и неизвестного. Но есть Одна Любовь – святая, верная, настоящая, чистая и бесконечная. Из неё приходят все узаконенные итоги. Один Источник Любви – Всемогущий Бог.

Хотя, по существу, любовь Божию на прибытке дозволенной войны и ненавистной сумятицы понять весьма сложно. Порою и понимать, и принимать сию любовь вовсе не желается, она даже порождает ненависть и злобу, ярость.

Это от незнания (неведения) происходит, ибо нет духовных навыков, следовательно, нет и должных познаний, которыми формируется ясность, понимание и важность всего происходящего. Во всём заключён особый порядок и чёткая цель.

Но тот, кто введён фактами в духовные прибытки (в их глубину, коя растворяет незнание и подаёт свободу уму), тот по себе лично знает, что просто так ничего **не** происходит, **не** даётся и **не** приистекает в судьбах человеческих.

Грубо, может быть, прозвучит последующее слово, но ничего просто так ради забавы **не** совершается на формате земных усилий. Всем заведует Божественное Торжество (бесконечность бесконечности), и потому это Торжественное Божество раздаёт Свои Звания и поддержки **тем, кто** желает

(жаждет) укрепиться умом на Разуме Его Мудрости, ибо по Его Мудрости ниспускается и великое пробуждение, стирающее границы скованности ума и чувства.

Борьба чувств...

Ох, уж эта извечная борьба приумножающихся чувств! Не отделаться от неё, не избавиться, не скрыться ни в один уголок земной. Зачем сошла и сжала человека неопытного?! Но коли сошла, так изведай, да собирай, скапливай прибитки таковые, ибо именно ими мерить вечное торжество дадено.

Чувства борются друг с другом, дабы вывести чёткую грань свершившимся и свершающимся Событиям. Плоть вмещает чувственное произволение в себя, чтобы таковым необычным путём вывести исток вечного prodыхновения.

Да, трудно и тяжело бороться с собой, а особенно с другими. Но без достоинств борьба не имела бы смысл. Опять суровое слово, но война оформляет чувственное торжество, хотя торжество в этом случае изнашивается телом, но чувственная основа не истаивает, а остаётся и множится.

Миновать бы оное...

Да, миновать...

Миновать!

Даже бы не знать про сие вовсе, не прозревать оное ни с единой стороны, ибо таковое утруждение забирает всё самое лучшее и самое полезное, оставляет лишь некую незащищённость, убогость, да бедность чувств и болезнь плоти.

Но и не каждому трудолюбцу подаётся добротное и силь-

ное, выносливое тело для сей борьбы. Каждый получает токмо то, что в силах выдюжить, укрепить и удержать в себе, сохранив при том сущность некоего божества, то есть Его подобия.

Без божества, пусть даже и не явно зримого, человек существовать, а тем более дышать, жить и двигаться не приспособлен, он и сложен-то всеусиленным (бесконечно наполняющимся) божеством, которое есть дозволенное размышление, и стягивается оно печалью святою. Суть ясна вполне.

Именно оно, божество, божественное творческое введение в нашу человеческую природу, позволяет нам устремляться к вечному, оно влечёт к себе постоянно, оттого-то и внутреннее стремление, наше внутреннее стремление к чему-то, ищет высоту, пытается в ней отыскать свою значимую часть.

Главные Величины, внесённые в нашу жизнь из Той Будущности,²⁹ которая **не** будет **или** была, а **всегда** есть, имеют два особых и узаконенных Порядка. Первый порядок – всемогущественная и благодетельствованная Любовь. Второй порядок – борьба, помеченная воинственным преизобилием многих утруждений.

Как любовь и борьба с воинственным преизобилием может породить вечность и её несомненный достаток? Странное слово и тайная мысль. Но токмо сии две величины оформлены для определения будущности, нашей челове-

²⁹ Пакибытие, новое бытие.

ской будущности.

Коли таковые условия возродили факт Бессмертия, то и само жизненное преуспеяние сообщается тесно с возможностью любви **при** потоке воинственных чувств. Оттого-то и исток войны предопределён фактом возрождающейся любви.

Жёстко сказано.

Но и само жёсткое пробуждение закрепляется фактами весьма простой истины, главное лишь увидеть оную посредством своего желания и трудолюбия. Истина пробуждается знаниями и правдою, которую привносит нам наше боголюбие, ибо **как** любим, **так** и стяжаем основу, так как основа есть часть нашего преуспеяния во всяком деле. Да, жить всем трудно (возможности ожидания одинаковые – страх перед чем-то), тяготы (тревоги) одним потоком сообразуются.

Однако не всякий сию трудность умеет предопределить своим чувственным избытком при потоках неминуемой борьбы. Но борьба и усилие чувственного преизобилия для всех без исключения введена в жизнь нашу. Тут разделения не существует.

Тело собирается таковым достатком – вседозволенной любовью и позаимствованной борьбой. Для каждого тела особенные форматы и условия предопределены и сложены. Любовь границ не имеет, борьба же, напротив, некими (сжатыми) границами располагает, дабы не позволять им множиться, порядок изначально оформлен.

Ежели порядка не будет в чём-либо, не будет и условий порядочных для добротного жития, следовательно, и сама вечность предстала бы сомнительным фактом. Кто минует порядок божественных мыслей, тот и слагает для себя трудоёмкое (затяжное, ненормированное и страстное) дыхание, а из него, как правило, собираются многие тягости и болезни. Сами тягости и болезни изламывают любой итог.

Кто более сильный, тот введён в Историю непростой Войны, кто так же сильный, но слабее телом, введён в Историю непростой Любви. Хотя, по существу, и любовь, и война – предложены на каждом отрезке времени всему человечеству без исключения. Событие в любви и борьбе уже складывается пажитью оформительского строительства.

Само же строительство **для** познания своей будущности формируется **на** особых (исключительных) моментах. Любовь ищет смелость воинственных усилий. А борьба чувственного торжества пробуждается под воздействием бессмертной любви. И война, и любовь помогают душе **во** плоти выявить свой божественный исток, из коего сложена человеческая будущность, то есть равность Богу.

Божественный исток распределяет чувства всевозможными размерами любви, ибо она всему голова. Когда любовь не вмещается в чувственное распределение (или чувственное образование), тогда воинственные пробуждения расходуют возможности иных размеров любви, пусть такое совладение слов и мыслей кому-то и не по нраву.

Нрав, кстати, также укрепляется навыками духовных познаний, а знания стяжаются размером Его (божественной) Любви, ибо, **как** любишь, **так** и стяжеваешь должное и полезное откровение в себя и для себя и окрест себя, ибо и полезное и должное имеет свой формат и чёткий, узаконенный смысл, не бессмыслицу или бесполезность некую.

У любви необъятное множество источников, ибо она суть бесконечность, потому-то и не существует утеснённых (малых, либо незначительных) границ у неё, она весьма обширна, её постигнуть невозможно, она постоянно возрастает, создаёт в себе и вокруг себя многие благие основы.

А они-то, эти благие основы, и позволяют нам находить внутри себя безграничные таланты, различные вдохновения, великие полезности, значимые приятности и множество иных добрых усилий и качеств. Без этого мы вообще бы не смогли постигнуть божество ни с одной стороны. Не постигнув божества, не постигли бы и меры человеческой.

И чем больше этой любви (а любовь есть, прежде всего, доверие и ожидание) в человеке к **Тому**, **Что** имеет знание, а так же и источник многозначимых (откровенных и желаемых) мыслей, тем шире и просторнее границы достоверных и важных знаний, кои так необходимы на жизненном пути.

Необходимы Каждому!

Любовь подаёт человеку нескончаемые ориентиры чувств, и чувствами регулируется общность всех усилий. Здесь не существует каких-либо особых предпочтений, так

как каждому (каждому! а не избранному!) Бог раздаёт дары и награды.

Дары и награды приобретаются накоплением божественной любви. Без любви ничего не соберёшь, не удержишь, не укрепишь, это даже и на земном порядке выявлено, ибо только любовью можно себя облагородить и утвердить в чём-либо, в ком-либо.

И любовь не обязательно привязывает к какому-то определённомu человеку, она оформляет (скрепляет прочностью) достоинство мыслей и собирает добрый итог. Это может быть любовь к добрым истокам. А добрых истоков – превеликое (неиссякаемое) множество. Скапливая их в себе и вокруг себя, притягиваешь божественное знание. Божественным Знанием формируется (развивается) всё остальное.

Бог даёт каждому человеку особенный (личный) прорыв в Вечность. Вечность стягается усилием размера. А сам размер стягивается непомерно двумя Причинами, в кои входит и любовь, и борьба. Это предопределено изначально.

Потому-то невозможно осилить земную жизнь каким-то простым достатком, но всегда сложность фигурирует. В сложность же вливается пажить значительных пробуждений. **А кому и какое** условие достатка – это уже зависит опять же от духовного восприятия, от духовной жажды и от духовного роста.

Кто-то всю жизнь ждёт-ждёт, но так и не получает ничего,

а кто-то и не ждёт вовсе, да многое приобретает для себя. Тут многогранная тайна по событиям раскрывается, и вывести сей непростой исток должно при тщательности и скрупулёзности.

Ум надобно иметь (совоспитывать по желанию своему и по жажде своей) добротный и стремительный, ибо токмо эти важные величины позволяют понимать сокрытое. А иначе и сам прорыв в вечность будет усложнять весь путь ещё и при земном начале.

Конечно же, желалось бы всем миновать таковой прорыв воинственного дыхания. Но коли человек сошёл на землю при воинственном знании,³⁰ то и само воинственное знание устремляется обратно на тех же самых ресурсах, ибо возвращение должным образом расходуется многими приобретёнными знаниями. Сошли на землю борьбою, и ею же (борьбою) опять подняться надобно.

И подняться не куда-то в конкретное место, а, прежде всего, возвыситься над своими недостатками и невежеством, ибо суть невежества и недостатков есть внутреннее зло. Оно обустроено жаждами и желаниями и скоплено всею жизнью, и оно, первым делом, от плоти сообразуется.

Всё зло (зависть и жадность до чего-то) собрано вовнутрь, ибо так оно удерживается временем обучения, когда же при-

³⁰ И сказал змей жене: нет, не умрёте, но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло...» (Бытие, 3, 4-5).

ходит смерть (поглотитель зла), тогда зло как бы растворяется в небытии (уже нет той зависти и жадности до чего-то), потому что оно не может существовать само по себе, оно собирается внутренним недомоганием по человеку, по его навыкам и по его желаниям.

Человек постоянно что-то жаждет и желает, а от ненормированной жажды и постоянного желания порождается слабость, немощь. Есть жажда и желания святые, но это для высоких и вдохновенных мотивов. Речь ныне про иное.

Настало время (событие, завершающее итог) и рассыпался (в прах обратился)³¹ человек, но память ещё хранит некоторые итоги после него, чтобы засвидетельствовать, либо почтение, либо сожаление. К чему больше прилегалось сердце и душа, то и унаследовалось последующим движением для достижения вечного.

Без борьбы (определяющий момент некоего события и его важность) ничего нельзя достигнуть – это даже и при обычном житии выявлено и доказано. Во всём и во всяком деле необходим прорыв на любое достижение.

Ежели кому-то желается большего пробуждения (глубоких мотивов по себе и иным) и жаждется выявить меру одной токмо причины, когда война реализует плоть, то сия значимость раскрывается истоком более глубокого исследования.

Нам же сейчас важно увековечить **Солдата**, сделавшего

³¹ «...ибо прах ты и в прах возвратишься...» (Бытие, 3, 19).

свой решительный и важный шаг в Эпоху Вечности. Сперва он свой шаг соделал тяжким и изнурительным, но именно тяжесть и изнурение преобразовали его шаг в святой достаток любви.

Коли у него не доставало сей любви на текущем моменте, то пошаговым усилием (мужество и воля) он слагал своё бессмертие на подвиге воинственных чувств, которыми руководила душа, погрузив плоть на страдание и боль.

Но ни испытанное страдание, ни разрастающаяся боль не отняты от его усилий и труда по конце пути, но именно фактом бессмертной любви (как ни странно прозвучит!) он обрёл возможный прорыв в свою облагодетельствованную вечность. Он вырвался из тисков омерзительной смерти, из тисков глумящегося ада будущностью скопленных знаний, но прежде сии знания были оформлены его плотию и его душой по прежнему житию. Жизнь стёрлась временем событий.

И как токмо знания обрели формат должного свободомыслия, им стало тесно находиться в ограде, зажатой малою плотью, они (добытые первым бытием знания) и выплеснулись лавою страсти (смертью) в простор, который зажѐг уже достойный алтарь любви. К этой любви и устремилась усмирѐнная душа бойца. Все шаги земные, сложенные подвигами неустанной борьбы, теперь обрели смысл.

Земное начало смылось как бы незаметно, и осталось лишь накопление многих чувств, которые удерживались словами и мыслями в теле. Оно, это дозволенное накопление

чувств, не поисчезло никуда, не поистратилось грубою смер-
тью, но осталось при нём, при **Солдате**, при его бессмерт-
ной душе. И душа теперь будет этим накоплением регулиро-
вать свою благуя вечность.

Да, вечность благая для воина, ибо война стирает все зем-
ные производные, коим прежде была подвержена. Цель вы-
полнена. История завершена. Итог ясен. Осталось лишь бес-
смертное вызволение. Оно-то и притянуло к себе бессмерт-
ную душу. Её уже ничто не удерживает в теле. Тело разорено
и стало абсолютно ненужным, даже чужим, незнакомым. А
то, что нужно (и вечно), оно ещё более укрепило свои пози-
ции до особого момента.

Данный момент уготован всякому смертному, но не вся-
кий смертный на сём моменте может уловить значимое дыха-
ние, по коему будет принимать исход своей неизменной веч-
ности. И дыханий великое множество. И среди этого вели-
кого множества есть лишь одно существенное, которое ток-
мо твоё, моё, или его, **Солдатское** дыхание, пробуждение,
рассвет к Новой Жизни.

Восстанут Все – ушедшие и уходящие ещё...

Восстанет **Анатолий Макшин**...

Восстанет **Фёдор Антипов**...

Восстанут **Миллионы**...

Никто не останется безвестным или пропавшим зазря...
Ибо у Бога все живы³², и всякая связь словес, мыслей учтены

³² «Бог не есть Бог мёртвых, но живых...» (От Матфея, 22, 32).

Временем свершившихся (и свершающихся ещё!) Событий. **Ничто не забыто и никто не забыт.** Это и есть вечность. Именно Она хранит итоги по прожитому житию, и этим же прожитым житием устанавливает новые пороги, новые границы.

Для каждого человека имеются свои границы. Есть граница рожdestва. Есть граница труда. Есть граница страданий. Есть граница смерти. Есть граница всему абсолютно. Нет лишь границ для любви, ибо она одна заключена в божественные прииски. Чем больше соберёшь, тем ярче и воссияешь, даже и солнцу уподобишься. Таковым прибытком сложена **Солдатская** воля.

Для **Солдата** Бог положил на весы времени – особенность и преизбыток. Да, лучше бы сего миновать. Зачем нужна особенность и преизбыток страданий, боли и труда? Сие не нужно никому. Но ведь для чего-то таковое усилие было предложено...,

О, как не хочется лавировать в сих номинациях. Как же желается тяготу войны стереть из бытия земного... Можно и стереть... Но вот родился человек и получил титул **Солдата**. И довелось ему пройти этот нелёгкий путь своими доблестными шагами...

Уже ничего не сотрёшь, не забудешь, не выкинешь из сердца, из души, из памяти... Невозможно забыть... Вечностью покрыты святые **Имена**... И в нас эта вечность кипит, бушует, взращивается таковыми чувственными достат-

ками... Мы помним... Мы чтим... Мы гордимся...

Анатолий Макшин...

Фёдор Антипов...

Миллионы...

22 июня 1941 год... 9 мая 1945 год...

Этот День, как он был от них (не от нас, ибо мы не примыкали на подвиг величественный, мы лишь их потомки, возможно, что и недостойные даже и равнодушные, грубые) далёк, как в костре потухшем таял уголёк...³³ И, чем дальше убегал вглубь **Этот День**, тем ближе и горше³⁴ притягивалась тяжкая и вязкая пажить чёрных лет...

Когда, когда же придёт этот День Победы... Не торопится, медленно как-то деньки и ночи движутся... А надобно прожить столько адовых мгновений... И кажется, что нет им числа... Годы, месяцы, сутки, часы, минуты, секунды... И на таком потоке решается жизнь... Ах, как она коротка...

Вот и дожили мы, минуя двадцатый, до 21 века. Ох, сколько всего хорошего и плохого предшествовало сему! А сколько ещё будет предшествовать?! Мы не ведаем, не прозреваем... Однако, стремительное время принесло нас на поля 2017 года. Много событий утекло в Безликую Пустыню...

Бесчисленное изобилие чувств, слов и дел, бесщётное... И оно было нами использовано всеусердно и потрачено до сего момента, брошено с радостью и горечью в безликую пу-

³³ Песня День Победы.

³⁴ Хуже, плоше, тяжелее.

стыню... И эта безликая пустыня, которую мы невольно пронцаем глазами своей бессмертной души хранит множество различных итогов. Чем облагородятся сии важные итоги, тем и наследовать факт своего бессмертия придётся. Обогащаться бы лишь добротными знаниями, ведь именно они будут обустраивать место в Обители Божией.

И в этот раз **9 мая** был жгуче-холодным, ледяным, с северным (безжалостным, невозмутимым) ветром, он пронизывал насквозь не токмо тихо тлеющую человеческую плоть, тлеющую от грехов и обездоленных (сырых, обнищавших) чувств, но и душу, коя застыла в ожидании Вечного Покоя.

Бегут быстролётно столетия – одно за другим, бегут от нас и нашего восхотения куда-то в Неизвестность... И что? что там в этой неизвестности хранится и ожидает утомлённых, измученных тяготою земного пробуждения, путников?

Но чем дальше убегают летá, тем меньше остаётся любви, хотя любовь не может утеряться где-то или исчезнуть посреди просторов, ибо она Вечным Источником Чувств удерживается (и будет удерживаться!) непрестанно. Но часто из-за жестокосердия и хладности (остывших чувств) утеривается по незнанию и нехотению.

Кто способен примкнуть к вечному вдохновению разумом надежды и веры, тому и любовь не покажется обездоленной, ибо верность и чистота желаний всегда выводят к нужному рубежу. И в этом рубеже нам намечена Всеобщая Встреча.

Народ подтягивался со всех сторон, то торопливо, то мед-

ленно, то с шумом, то на тихом молчании. Хорошо или плохо, но люд собирался на единое и неизменное место. Здесь, возле Вечного Огня, удерживается (хранится) и Вечная Память по погибшим.

Потому так важно именно на таком многозначщем моменте соприкастаться святых (объединяющих друг с другом и с Богом) мыслей, ибо мысли погибших сливаются с мыслями живущих ещё. При слитии мыслей сообразуется должная (неизменно-надёжная) общность: **никто не забывает у Бога**. Так приобретается святость. А святость для нас неизменно полезна при любом творческом благоприятии, потому что токмо оно, творческое благоприятие, регулирует основу по наполнению добра.

Серые низкие тучи утыканы по всему небосклону. Нет ни единого солнечного лучика, лишь леденящий душу и тело ветер ломает итоги всех человеческих чувств. И ныряя в них, купаться, непросто, ведь такое соучастие душевного воздействия на текущее Событие не подаёт радость и удовлетворение благому равновесию.

Люди идут, идут, идут... Разрастается народ, толпится, гудит, суетится излишне... Шумливо в округе... И места уже как бы не хватает каждому идущему, стоящему... Готовы утесниться, но и теснота сегодняшняя раздражительна и сурова.

Опять-таки и суровость, и раздражительность связана цепями тесного земного уклада. Вот бы сию суровую раздра-

жительность выкинуть, швырнуть за борт... И туда, в тот страшный и безудержный **1941 год**, когда летние напевы обласкали душу и плоть адовым покровом чутья, в коем вовсе не желалось бы находиться ни одному смертному...

А что мы?

Чем измеряем свою основу?

Мы тут стоим и ждём вызволения любви, Любви Его, То-го, Кто и ввёл **Толика Макшина, Фёдора Антипова и Миллионы Людей** на эту бедственную пажить. А была ли она на рассвете при закате? Была, видимо, да не познана нами, но увековечена **Ими**, кто окунулся в море крови и ужаса.

Подтягивается люд...

Минуты ли, часы торопливо бегут, бегут на Восток. А на востоке складывается равность для всякого живущего. Кому и для чего она слагает усилия – это уже познаёт тот, кто ступит в оную своим собственным разумением и вольготностью свободолобивых чувств.

А чувств-то предоставлено грандиозное великолепие. Купайся во всех поочерёдно и вылавливай лёгкие да ясные, а усилия мрачных высот отодвигай от себя подальше, ибо они полезны токмо **при** равновесии ума, а **без** равновесия они лишь отягощают думы и губят, губят, губят дух. А при погублении таковом и тело загнивает заживо.

В гнилом же теле жить, ой, как страшно. Гниль порождает бесщётные (ужасные) болезни. Гниль не прямого недостатка, а гниль огрубевшего нрава и чести. Кто свою честь оберегает

благодатью Его (Божией) Любви, у того и мысли светлые, и плоть убытка страшного не терпит.

А мы, ожидая Главного События, топчемся устало, переминаемся с ноги на ногу, вертимся туда-сюда с нетерпеливостью, суедемся излишними нравами, чувствами да словами, собираем глазами взволнованной души памятные итоги прожитого нашими родственниками (близкими и далёкими): **Толиком Макшиным (1915-1941), Фёдором Антиповым (1904-1942), Миллионами (1941-1945)**...

Добрая мысль, тёплое слово, молчание святое, взгляд приглушённый, слеза невинная – пусть всё это останется при душе и уляжется на алтарь беспокойного сердца, тем самым мы узакониваем **Их Великие Подвиги**, ибо **никто не забыт и ничто не забыто**.

И вот собрался **Бессмертный Полк**...

Лица, лица, лица...

Идут...

Идут вперёд...

А позади них – война...страшная, жестокая, безжалостная...

Холод пронизывает насквозь, шальным ветром стирается любое дозволение тёплого рая. Зуб на зуб не попадает. Но становится легче, когда думается о **Толике Макшине**, о **Фёдоре Антипове**, о **Миллионах**, о тех, кто в холод и в жару и в более ужасные мгновения бытия вытеснял все житейские мысли и шёл в свой **Последний Бой**...

Шаги... Шаги...

Шаг... Шаг...

Мысли Их (оставленные нам на предсмертном, завершающем, конечном вздохе) – **пропавших без вести, убитых и умерших** – переплетаются с мыслями нашими, чувствуется связь и единение с **Ними**, словно ощущаешь **Это** дыхание окрест себя, в себе...

И на таком раздумье глядишь на идущих, не на тех, кто несёт Знамя Победы, а на тех, кто запечатлён фотографией прошлого, и зрится, как рядом со своими близкими восстали те погибшие... Восстали и идут рядом, плечом к плечу... Волнение усиливает движение. Событие восстаёт из прошлого ярко...

Как много их... **пропавших без вести, убитых, умерших...**

Глядят славою бессмертную...

Глядят пронзительно, словно хотят крикнуть благие слова. Так ведь и кричат, кричат... Остаётся токмо услышать и приникнуть со вниманием на возгласы духовные. А возгласов много. Каждый должен выявить для себя то важное слово (жаждущий взгляд), который был оставлен на последнем дыхании родным и близким...

Шаг... Второй... Третий...

Потусторонний холод незаметно сошёл с преисподней, вывалился страстью и охватил целиком – снизу доверху, пролилась адова слеза внутреннего недомогания. Сколько их тут

шло, – **погибших и умерших, пропавших без вести...** Но они шагали рядом со своими родными и вглядывались в душу, которая напитывалась ярим отзвуком тех ужасных мгновений...

И как много тех мгновений...

Как много Боли, Страдания и Подвигов...

Мне кажется порою, что солдаты, с кровавых не пришедшие полей, не в землю нашу полегли когда-то, а превратились в белых журавлей. Они до сей поры с времён тех давних летят и подают нам голоса. Не потому ль так часто и печально, мы замолкаем, глядя в небеса...³⁵

Адов путь примкнул на сером и безликом дне. Холодный ветер³⁶ обжигал и его **Солдатское** нутро. И это нутро было уже чужеродным. Он не мог узреть радостный и восходящий луч могучего и ясного солнца, что вдруг на мгновение, всего лишь на малое мгновение выскользнул из-под серо-чёрных туч и коснулся осунувшегося и небритого лица, словно желал подбодрить и утешить своею малостью... Может, и утешил и подбодрил чуток, потому что лик святой печали застыл на дрогнувшем сердце... Но нет времени думать или размышлять над сим...

Солдат, чьё имя помнит лишь История Великого Бытия, бежит под градом пуль, не помня прошлого и не видя будущего... Он бежит вперёд, всё время вперёд, а позади смерть,

³⁵ Песня Журавли.

³⁶ Ветер Ада.

она не отстаёт, на пятки наступает и царапает своими скользкими и грозными когтями...

И пот, как капли крови падают на стылую землю, которая тут же вскипает и стонет... **Солдат** бежит, бежит за своей наградой, которую обретёт в вечности... Встретит ли она его славою? Подаст ли ему благое величие? Он не ведаёт, не прозревает, он не гонится ни за славой, ни за наградой, он защищает свою Родину.

Будет ли эта Родина помнить (уважать) **Солдата**, отдавшего свою жизнь за неё? Будут ли в этой Родине достойные (праведные) потомки, которые поднимут за доблестного **Солдата** Знамя Победы и отдадут ему честь? Совершат ли ради **Солдата** низкий земной поклон, и почтут ли смерть его святым Молчанием?

Он ничего не знает про это, нет даже и намёка на какое-то увещевание, лишь уверенным шагом бежит вперёд за своей Славой, за своей Победой, за своим Подвигом. И слава, и победа, и подвиг сопричтут имя **Солдата** на благие и святые достатки, и будет он в них купаться, как победитель, будет возвышаться над всеми силами ада и ужаса, страдания и боли, хаоса и безволия. Никто не будет позабыт и ничто не будет позабыто, история умалчивает порою о многом, но не забывает ни о чём.

Всё, что в нём укрепилось прежде пажитью проклятой войны, всё теперь поизольётся во тьму кромешную, и тьма вскипит, взбунтуется, но уже не в силах будет разлить новые

мучения, терзания, пытки, беспокойства, опасения, страхования, они сжаты божественной мощью и божественным прикосновением.

Солдат бежит вперёд под градом зловещих пуль и лицезреет смерть повсюду... Весь израненный, но не сдаётся, у него впереди – смысл, и смысл сей зовёт (влечёт) к себе... Токмо не видит пока **Солдат** смысл, лишь слышит шипение геенское, оно нагнетает в сердце кипевшее чувства непреодолимой тоски и полной безысходности...

Пламя адово со всех сторон сдавливает, сминает само сознание и оборачивает покрывалом чёрным... Серое небо, прежде такое возлюбленное и радостное, сияющее и весёлое, обратилось вдруг в смрад зловонный, который уже не крадёт, а вольго-о-отной волною страсти захлёстывает снизу доверху...

Сколько удастся ещё пробежать шагов святых и доблестных? Сколько раз ещё удастся окинуть жаждающим взором округу пылающую и ревушую? Сколько ещё мыслей, украденных событием смертоносным, осталось при нём и согревает сиротливую душу, сиротливую от нахлынувших страданий и печалей?

Есть ли в этой душе местечко для кро-о-охотной надежды, коя бы могла малостью утешить смущение и боль? Ой, ли горем одним всё замарано? Ой, ли бедою и горестью всё понакрылось? Ой, ли навсегда утеряна благая радость и тишина желанная?

Смерть...смерть...смерть...

Позади смерть и впереди тоже смерть... Свернуть некуда, спрятаться некуда и затеряться невозможно... Да он и не собирается прятаться и теряться. Он бежит вперёд за своим вечным покоем, за своим добротным счастьем и отрадою.

Есть ли ещё оное великолепие? Живо и действенно ли такое благоустроение или и его уже не сыщешь, ибо одна разруха и хаос наметились, и давят, мнут со всех сторон — шек, а до вечности и шаги складывать уже бесполезно.

Можно ли отыскать посреди беспредела, сумятицы и смятения многоликое торжество, да святое звучание, найдётся ли хоть небольшое, но истинное продыхновение для него, чтобы обустроиться в нём, успокоиться и утешиться?

Кто знает?

Кто-то знает...

Однако он не утерял надежду. Есть, есть, есть ещё махонький её огонёчек, и этот махонький огонёчек надежды пока не иссяк, не угас окончательно, не понакрылся чернотой ползучею и не утерялся среди зловоний смердящих. Под сердцем приостановился... Приостановился и ждёт... Мысли не дёргает, хотя нервы уже утрачены, да и смысл порассыпался... Лишь что-то незнакомое и странное возле сердца бьётся и удерживается...

Будут ли помнить его потомки рождённые и живущие? Будут ли зажигать поминальную свечу по нём изредка? Нужен ли он тем, кто впереди него на будущности лет, станет

олицетворять добро и зло, купаясь, то в любви, то в ненависти?

Он не ведает про это...

Но он надеется на это...

У него впереди чертов ад, а позади тоже ада стезя, но есть ещё и история не прожитых (не использованных) чувств. И теперь, когда весь обгаренный кровью, потом и грязью, он бежит против страшного, грозного, безжалостного ветра, который якобы заставляет его обернуться назад и удержать миг прежнего земного покоя, вынуждая пожалеть и согнуться под тяжестью непосильного груза... Но нет, не дрогнет мускул на суровом лице, лишь вскипает кровь яростно... **Солдат** уверенно и упорно бежит навстречу своей славе и вечной памяти, не оглядываясь, не блуждая взором, не выискивая лёгкие и простые пути...

Он знает точно, что для него остались считанные секунды, такие краткие и мимолётные, ой, как хочется их бег приостановить на чуток, ой, как жаждется замедлить ... Однако, изменить ничего не может. Он проживёт эти секунды ли, минуты своего подвига, о котором будут ли помнить, будут ли сожалеть о нём...

Мысли мелькают, лавинами набегают, толпятся, бушуют, стягивают неудобством и сердце горячее, и душу уставшую, невозможно этот не щадящий поток удерживать внутри себя... Изрывается, стонет мысль, но не убогим чутьём, а чем-то значимым, непознанным и тайным...

Сейчас в сии владения не проникнуть, не осмыслить их собственным усилием, нет времени для сего, нет ни одного соприкосновения с пробуждающимся вдохновением, зато есть сопричастность концу, а, по сути же, конец это начало, это приобретение чего-то весьма важного и благословенного.³⁷

Ведь он живой человек из плоти и крови, с чистой душой, со многими жаждami и потребностями. И у него была, была своя личная жизнь, которая даже не раскрылась на досточудной жажде и всеусиленной полноте. Любовь раскрывает должные величины, а их-то ещё и не успел приобрести и насытиться.

Но она, эта странная жизнь, такая непознанная и неполная, совсем не востребованная желаниями и мечтами, вот-вот оборвётся. И возведут памятник всеобщему Победителю. Но в этой победе **Солдат** проминал свои личные итоги страстью, болью, страданием.

И коли не будут его помнить поимённо, Тот, Кто вывел его на сей рубеж полнотою человеческого бесстрашия, Тот будет помнить имя его, честь его, волю его и душу его. И оживит Он **Солдата** памятью Своей и памятью проклятой войны, ибо проклятие войны выводит на святость и благодать, хотя путь таковой весьма-весьма жесток и мрачен. Не всякому и под силу! Ой, ли выдюжишь ли ты ныне сие, добрый мболо-

³⁷ «Ибо для меня жизнь Христос и смерть приобретение...»(Послание к Филиппийцам, 1, 21).

дец! Ой, ли выдюжишь ли ты ныне, милая дэвица!

Повсюду госпожой гуляла Смерть... И нет у неё никаких добротных условий, она лишь своим наянным,³⁸ вольготным пришествием выводит мрачные покровы человеку. Алчет, алчет ненасытно... Наводит сумятицу, беспорядки, хаос, страхования... Невыносимая, нестерпимая, чудовищная, злобная, тягостная, жестокая, дьявольская, наглая, безотвязная, пагубная, но не напрасная...

Земля стонет, рвётся её земная плоть, гудит, воеет от нестерпимой боли и жуткого хаоса. Но и **Солдаты** эту вопящую (гудевшую) землю устилают своими окровавленными (измученными) телами, как ковром, одним большим безымянным ковром... Безымянный ковёр на первом вздохе, а на тихой и непочатой жажде Его (божественных) Чувств у каждого бойца есть своё особенное имя.

Анатолий Макшин...1915-1941...

Фёдор Антипов...1904-1942...

Миллионы...1941-1945...

О, этот бесконечный ковёр тел...такой объёмный, наверно и сама Матушка Земля согревается льющимся потоком горячей крови умирающих... Не видеть сего и не слышать бы стон и не ощущать горячность падающих тел...

Но...но...но...

А он, **Солдат**, покрытый незримою славою и доблестным подвигом, всё ещё бежит, бежит навстречу – кому? Смер-

³⁸ Наглым, навязчивым.

ти... Она ждёт его, вычерчивает объём и меру своего торжества отвратительно и гнусно. Где-то среди без узорчатого ковра тел есть, есть и его особенное место...

Лучше бы не было...

Но, увы, есть...

И жить на бегу – ад, и умирать тоже самое... Нет ни в чём различий. Или различия всё ж таки есть? О, сей, сей мысли идейные и мудрые, ибо и они выводят на рубеж достойной определённости и объединяют с **пропавшим без вести Толиком Макшиным (июль 1941 года, Брестская Крепость), с убитым Фёдором Антиповым (26 ноября 1942 года, направление Ржев-Калинин), с Миллионами погибших и раненых (1941-1945)...**

Объединяют и с **умершими** (после войны) любовью бесконечной, святой, любовью, которая так необходима **Им Всем** и ему, **Солдату** бесстрашному и нам сегодняшним, горемычным, равнодушным и суетливым безмерно...

И дышит в ухо **Солдатское** раскрывшийся ад. И, ой, как противно дышит. Так и хочется отмахнуться от сего, чтобы адское дыхание не затрудняло – ни шаг, ни мысль, ни взор, ни желание, ни мечту. Однако всё наоборот.

Покой отдаляется постепенно, сумятица и чернота наползают быстро, мгновенно и затягивают, затягивают на самое днище утеснённых, угнетённых чувств. А чувствам уже и места нет, все омрачились и поугасли...

Но пока **Солдат** бежит вперёд, имея ещё и надежду ма-

люю, не умерла она в нём окончательно, хотя как бы на таковой возможности надежда и мертва, нет в ней должно-го дыхания, но где-то на глубине сердца надежда соединяет (скрепляет тайными связями) с будущностью, только тускнеет, тускнеет огонёк, не виден Настоящему Моменту... А сам настоявший момент близится к завершению...

Бежит родной, не видя за собой славу, подвиг, награду, бежит и зрит лишь падающие спины других **Солдат**, бегущих впереди него... И у них, у них так же своя личная жажда, терпимость, страсть имеется, в коих сопребывали до этого мгновения...

Сопребывали... А теперь – что?

Конец?

Или Начало?

Нет – ни смысла определяющего, ни некой возможности и правильности... Просто бежишь, бежишь навстречу чему-то безрадостному и убогому, обнимаясь с сумасшедшими, шальными, безжалостными пулями, которые никак не заканчиваются, но жестоко и на яркой ненависти вонзаются в **Солдатские Тела**...

Тел много...

А пуль ещё больше... Бесконечные как бы...

Сколько их ещё будет на пути? И будет ли путь завершён?! По завершении же хочется окунуться в святые и прохладные воды, собранные в благом месте. И не просто окунуться, смыв с себя тяготу смертоносную, а отыскать там свою

значимость, своё добротное счастье. Прильнуть к живонному источнику и испить, испить бы из него страждущему, утолить жажду, утешиться, успокоившись...

И понять, выznать смысл по себе и по всему собранному страданию, боли. Наконец-то, обрести тишину и мир, такой желанный и долгожданный. Пусть, пусть такие мысли будут возвращаться, пусть не оборвут свой вечный полёт, да утешат в нужный момент, приласкают верностью, не зазря же проливали кровь, не зазря несли на своих плечах адовы трудности.

Летит, летит по небу клин усталый, летит в тумане на исходе дня, и в том строю есть промежуток малый, быть может, это место для³⁹ – кого? Для **Солдата**, пытавшегося понять суть земную, а нынешняя суть познание не даёт, убегаёт в незнакомую даль, прячась в грозных тучах гаснувшего дня, прячась и не возвращаясь обратно. Будто бы, вернувшись назад, это познание сложит иное движение уму... Оно уже не имеет для него должного пробуждения, оно размыто останавливающимся временем, и само событие как бы теряет, теряет свою земную сферу... Утекают краткие минуты, секунды в Никуда, а это Никуда преобразовывает завершение в должное начало.

Ох...

Не ах...

Вот-вот, ещё один малый миг, такой быстротечный, и он

³⁹ Песня «Журавли».

заберёт сейчас все слова **Солдата**, мысли его, труды, страхи, переживания, ожидания, болезни, всё, всё заберёт куда-то... В этой Неизвестности будет ли для него смысл, великолепие, радость, блаженство, здравие, любовь, долголетие, отдохновение?

Пасть преисподней ли растворяет свои безмерные объятия? Или, может быть, это райские поселения влекут ум к себе? Неужели приближается конец? И настал тот обещанный покой? А какой там покой? И есть ли оный? Не обман? Ох, сколько вопросов вдруг вспыхнуло в уме, вспыхнуло и погасло...

Хочется верить, что есть! есть! есть тот рай обещанный,⁴⁰ чтобы всё случившееся не зря было, а ради какой-то Особой Причины, пусть и непознанной ныне... Вера пока удерживает итог... Но умирать в такие годы... Пожить бы ещё... ещё немного...совсем чуть-чуть, прикоснуться к желанному, верному, истинному...

Эй, Жизнь...

Жизнь, постой здесь!

Не слышит эта жизнь уже...

Мгновение гаснет...

Эй, кто-нибудь...

Никого... Хотя и много всех и всего...

Последние силы исходят из умирающего **Солдата**... Ду-

⁴⁰ Бог...поставил на Востоке у сада Эдемского Херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять...» (Бытие, 3, 22-23).

ша замирает как бы в преддверии чего-то... Дыхание всё тише и тише, мысли пока цепляются за серые тучи, будто бы в них, или за ними, для него есть нечто особенное, важное... А оно и есть... Он и пытается узреть невидимое, и не просто узреть, а как-то в нём отыскать полезность своего труда и подвига.

Рухнул...

Рухнул, как подкошенный, вдруг на землю. И земля застонала под ним, словно обняла его страхи и страдания своим чутьём. Уже и нет ярого страхования, оно размыто остановившимся временем, ибо Событие завершало прожитую эпоху.

Дыхание, однако, ещё те-е-еплится и уде-е-ерживает, удерживает последние проблески угасавшего, затихающего сознания, оно устремляется в непознанную глубь молчаливого Простора, нависшего над ним не как приговор...

Солдат лежит, распластавшись на стылой земле, словно на кресте распяли его, руки-ноги по разные стороны раскинуты. И стылая земля под ним, Мать Земля, для него стала, как лава огненная. Страсть, боли, мучения, надежды и ожидания воспаляли слабевшее тело, оно словно чужим стало, хотя и боль нестерпимая, пронзающая даже и бессмертную душу, и в эти важные мгновения и сама земля стала чужой вдруг. И мир этот, такой явный и обременительный тоже, тоже чужим предстал.

Странное чувство зажглось под сердцем, взволновало оно

его свою странностью. С высоты недостижимой печаль свесилась и на грудь осторожно присела. Что ей надобно-то? Чего жаждет выявить на моменте и к чему сводит итог?

На думках позастряли мысли назойливые. Не досуг их приводить в порядок да стройность. Приподнял малость свою голову **Солдат**, дабы осилить случившееся, да снова мать земля притянула его к себе, теперь уж неразлучными стали. Силы истаивают, лишь зрит отдалённо бегущие фигуры бойцов, бегут, бегут родимые, бегут не от смерти, а на встречу к ней... Только ему уже всё равно... Или нет?

Вздох...

Дыхание гасит последние обрывки затихавших мыслей, они, то отлетают далеко-далеко, вот за те серые тучи, с которых капают слёзы боли и отчаяния, не могущие прорвать зашлон мрака, то обнимающие эти же самые мысли так близко, что возбуждают кровь...

Туда-сюда, туда-сюда, мысли носятся безудержным потоком, истекают из сердца, и вновь, вновь тревожат душу... Вонзаются внутрь, излетают из неё, снова возвращаются, словно жаль прощаться с уходящим вечером, который мог бы подарить новый рассвет, новую любовь, новую надежду, а на деле нагнетает новый рубеж, такой непознанный и чужой...

Так не хочется помирать безвестно, но сии набегии мыслей всё дальше и дальше уходят, проваливаясь сквозь толщу серо-чёрных туч, уходят туда, где вечное хранилище слов, где

должно что-то быть... А зачем, зачем уходят-то? И оставят ли Там своё верное дыхание прежнего разума? Будет ли память удерживать прожитое прежде?

Он уже не прозревает ничего из этого, его сознание затихает на всхлипах и криках, кои слышатся рядом, но кои совсем не беспокоят дух плоти, что-то изменилось в нём на отрезке замиравшей жизни... Последний болезненный вздох, вздох сожаления и...

И...

Новый мир облобызал почившего **Солдата**. Стих, отмутился страдалец, всё осталось позади него. А за плечами лишь чуть больше двадцати лет. И пожить-то не пришлось. И насладиться раем земным не довелось тоже, словно кто-то отобрал и припрятал до поры до времени. Мало видел, мало пользовался...

Но Кто-то решил, что много...

И пробежал шагов-то немного, и на такой малой, но ёмкой пажити сложен незримый подвиг Вечному Герою. Шагов мало для кого-то при успешном и беззаботном житии, но для **Солдата**, несущего тяготы войны, в эти немногие шаги вместились вся его молодая жизнь. Каждый шаг равен десятку, а то и сотне лет жизни. Бежишь и живёшь как бы, хотя это и не жизнь вовсе, а мытарство...

Ад завершил свою историю!

Земной путь окончен.

Он хотел уравнять свою меру любви и благих намерений,

но Высота Духовная уготовила для него совершенно иное торжество и звучание. И в каждый объёмный шаг Она внесла на него Историю особого Подвига, который нельзя забыть.

Макшин Анатолий Михайлович, Антипов Фёдор Антонович, Миллионы Людей... Будем помнить **Их** по подвиги, чтобы однажды быть и нам в этих достойных рядах, чтобы мы могли удерживать потоки преизобильной вечности не порознь, а вместе с **Ними!**

Пробежал свои славные шаги **Солдат**, и теперь и у него новое торжество и новое великолепие, он заслужил свой почёт. Тут, в этом раскрывшемся для него не аде, а рае, он возьмёт все блаженства, и всеми блаженствами напитает бессмертный дух, и осиротелая душа наполнится светом лёгким, и дыханием свежим наполнятся уста **Солдатские**. Эдем облобызает его радостью, и станет он в нём блаженствовать на покое и наслаждаться вечным миром. Всё придёт, случится однажды, каждый обретёт свою дозволенную награду.

Рано ли, поздно, но всему наступает конец, ибо в нём предлежит Начало чему-то Великому, Важному. А слово, могущее увековечить **Солдата**, пока ещё не окончено, оно живёт, оно дышит и наполняет просторы ума человеческого, чтобы помнили, не забывали, не одевали бы на себя покрывало равнодушия. Ведь, как слагаешь своё собственное житие-бытие, так и слагается покров для будущности.

И пусть, пусть же ум сей вдыхает аромат великого дозво-

ления, и с этого великого дозволения укрепит в мятущейся душе **Подвиг** (и славу) **Солдата**... Никого не обойдёт стороной Память бесконечной Любви, она связывает всех нас единым не кончающимся благом. Пока живём, будем помнить **Тех, Кто** привёл нас к Берегам Победы, подарив жизнь, покой, мир и многие другие утешения.

Анатолий Макшин – пропал без вести в июле 1941года...

Фёдор Антипов убит 26 ноября 1942 года...

Миллионы – 1941-1945...

До победы ещё надобно пробежать много миль, тысячи и тысячи шагов совершить... И бегут, бегут родимые к нашей победе, бегут, не взирая на обстоятельства и трудности непреодолимые. Всё осият, всё выдюжат и выстоят... И выстояли!!!

Вечная Память пропавшим без вести...

Вечная Память убитым и умершим...

Вечная Память и живущим ещё...

Вечная Память!

Шаги, шаги...бесконечные...

Идут вперёд, складывают путь для нас, для будущего поколения... Лишь бы это поколение не стёрло величие **Солдатское**, слёзы Материнские и Вдовьи, лишь бы укрепило **Их** могущество своим разумением и своею любовью. **Деды, Отцы, Сыны, Дочери**... Все **Они** шли, шли к Победе, к нашей Победе!

Сколько! сколько надо было сложить Непростых Шагов, чтобы выбраться на победный берег **9 мая 1945 года**... Бессчётное количество судеб введено в это исчисление, бессчётное... И для каждого шага есть особенный **Солдат**, которого помнит История, и хранит сию память до Определённого Срока.

Срок установлен Кем-то. Значит, и Кто-то непременно восполнит утерянные годы и возвысит каждый шаг **Солдатский**. Шаги. Вздохи. Мысли. **Никто не забыт и ничто не забыто** даже, если и на земном порядке некто и сеет разлад чувственных устоев.

Тот взгляд, оставленный на небо рассеять грусть не в силах будет, и потому рождает взгляд раздумий слог. Но кто бы мог подумать на досуге про то, что взгляд последний на итоге дня оставлен поколению не зря. Летит, летит в тумане на исходе дня... Быть может это место для... Это место и для нас с тобой.

Приостановим мысль свою...

О, постой, не пролетай так быстро, неумело.... А тут на отзвуках несмело из серых туч скользнул и луч... Пусть осияет этот луч **Толика Макшина (июль 1941 года)**, **Фёдора Антипова (26 ноября 1942 года)** и те **Миллионы (1941-1945)** и навсегда для них запечатлит покой.

Покой...

Какой он?

Ох, мысль, не рвись ты в небо, на земле постой, и дай раз-

думью новый слог, который душу бы сберёг и по душе родил Тот Свет, ведь в нём и жажда, и успех для всех – для **Них**, для нас... И то, что тот **Солдат** не смог додумать, долюбить – долюбим мы, додумаем о нём. Потом уже не будет этих дум... Скользит, скользит прощальный луч безрадостный, но щедрый и святой!

Прощай, **Солдат**!

Прощай...

Мы встретимся с тобой, Герой!

Встретимся...

И снова тучи сеют мрак в безликом и тоскливом дне, и день застыл, устал от всех, ото всего, как много он в себя вместил, что нету сил, одна тоска и боль... Ушла куда-то радость, чистый лик, сей день печален и поник...

Уж нет величия того, когда рождались в благости мгновения земной любви... Любовь не умерла, не испарилась вдруг, не исчезла в бликах дня, не потускнела и среди ночей, оставила лишь след, и по следам теперь шагать Туда... Шагать со всеми, иль одному? И кажется порою, что солдаты, с кровавых не пришедшие полей, не в землю нашу полегли когда-то, а превратились в Белых Журавлей...⁴¹

Что же на быстротечном потоке всех случающихся и случившихся уже Событий, нас, живущих в веке нынешнего дня, объединяет с Богом, с **Толиком**, с **Фёдором**, с **Милли-**

⁴¹ Песня Журавли.

онами? Что конкретно оставлено Творческим Условием,⁴² по коему сложена вся тягота земная, поколению нашему?

Как мы (от первого Адама и до последнего Адама) сольёмся (объединимся) с теми, кто Там (на пажити иной и вечной) уже предстоит и с теми, кому ещё дозволено шагами отмерять путь сей – безрадостный и ёмкий?

Все народы имеют единение в Нём Одном, потому что Бог есть самое могущественное Условие и Причина всему, ибо Он **для** всякого человека (без разделений и различий!) положил на Весы Времени (а Время есть любое Событие, случающееся с нами) укрепляющую веру, бессмертную любовь и благую надежду. Сии три достойные величины введены в Историю и осуществляют весь ход всей нашей непростой жизни. И три чувственные награды дарованы человеку: крепость, бессмертие, благодать, чем и оформлена вечность.

Вера олицетворяет прошлое, ибо ею укрепляется любая сфера чувственного определения, а оно (чувственное определение) служит нашему пробуждению и оформлению. Любовь имеет извечный достаток настоящего, ибо настоящее вечное и любовь неизменна, так как она наполняет всё живое и живущее. Надежда есть воплощение будущего, ибо на будущее для нас, для человеков, настроено всё сознание.

Прошлое и будущее по окончанию определённого времени, ибо оно есть случающееся событие всему происходящему, тот час же отпадают, так как в настоящем сего не нахо-

⁴² Бог есть Творец всему.

дится, оно уже прошло – и верить не надо, и ожидать чего-то лучшего и доброго, надеясь на что-то, тоже не надо.

Память удерживает связь веры (неразрывность между Богом и человеком), вера укреплялась любовью (основа всего сущего), а любовь удерживалась надеждою (ожидание добра), и теперь на настоящем моменте (на вечном сотворчестве) таковой надобности нет. Осталась токмо одна любовь. И ради неё вершился сей многозначный миг и многие, многие судьбы.

Без любви, либо без её основ, земная пажить не вызреет ни в коей мере, а тем более, не вызреет вечное дыхание. А нам жить вечно придётся, хоть принимай истину сию, хоть отвергай оную. Она не замедлит, явит себя однажды.

И тот, кто был готов принять сие, тот не будет в горестном прибытке, но радостью поизольются на него благие возможности, коим и числа не существует. Тот, кто не ожидал, тот будет и удивлён, и, может быть, огорчён даже. Это уже от трудовой деятельности всё зависит. **Как** трудился, **так** и приобрёл.

Для земного человека потребна вера и надежда, на них он сохраняет связь времён и свою будущность. Для Бога удобна любовь, и вот этим удобством Он и сосложил наш духовный мир, который мы совоспитывали (либо совоспитываем ещё) верою и надеждою посредством любви, ибо Бог есть любовь.⁴³

⁴³ «Любовь никогда не перестаёт, хотя и пророчества прекратятся, и языки

То есть, любовь (важность важностей) превышает всего: ею и укрепляется любое могущество и любое произволение, она составитель истины и добра, а добром и истиной наполнены вселенные и вечные миры. Сама бесконечность скреплена любовью.

В мирах, которые есть суть вечного творчества, для нас (для человек) составлен всеобъемлющий (нерушимый) итог. Итог укреплен бесконечностью, чем она больше, тем объемнее любовь, и любовь способна на великие меры, кои не вписываются ни в один ум.

Миры же – это не множество совладений, это множество, множество, множество различных творческих процессов. Неким творческим процессам мы уже послужили при первом теле, находясь во власти и первой земли. Земля породила плоть, земля эту плоть и поглотила собою. Но теперь уже Новая Земля и новая плоть послужит и Новому Процессу.

Процесс непосредственно связывает человека с Богом. А Бог удерживает человека Собою любым достатком или убылью. Убыль – это не принижение нравов или малость чего-то, это обучение, посредством коего мы приобретаем должные (бессмертные) знания. На них-то и направлена цель. В эту цель введён человек.

Человек удостоивается чести, дабы прожить свою первую жизнь трудом, так как труд есть накопительная важность

усилий и чувственного пробуждения. Усилие и пробуждение накапливают итоги многим познаниям, а они необходимы и нашей будущности, ради которой мы и введены в исток накопления.

Мы накапливаем всё – и смысл, и любовь, и добротные прибитки, и горести, печали тоже. Без сего никак, всё служит друг другу и всё поддерживает друг друга, ибо знания таким образом усиливают связь единства.

Для каждого ушедшего и живущего сложен свой особенный труд. Есть труд веры. Есть труд любви. Есть труд надежды. А есть труд войны. Это самый трудный путь, ибо вера подаёт памятное вдохновение, любовь позволяет укрепляться величием, надежда возводит в благие ориентиры, а война...

Война...

Война порождает страдание, боль и громоздкое утруждение. Не каждому по силам. Кому по силам, тот и встал на сей путь и вышел Победителем! А кому не по силам, тот должен помнить эти Страдания, Ужас и Боль и слиться с Победителями!

Анатолий Макшин – 1915-1941...

Фёдор Антипов – 1904-1942...

Миллионы – 1941-1945...

Как тяжело и горько восходить на те границы бытия, когда гуляла смерть повсюду... И жамкала тела... И души рвались в облака... И кто? кто? кто? **Их** встретил там с мечтой, за той Чужой чертой? И был ли там у **Них** дозволенный покой?

Освоили ли Божьи Рубежи? Спокойны ли, на отдыхе теперь **Они**?

Но память всех (речь о нас с тобой!) пока ещё жива! жива! жива, не оскудела, не обнищала и не поиссякла, она удерживает связь времён и связь поколений. Так пусть же эта память не потеряет ни единого вздоха погибшего **Солдата**...

И вздох Матери, Жены, Сестры, Дочери не останется одиноким и напрасным, болезненным и обездоленным, заброшенным и сиротливым. Мы помним... Мы гордимся... Не забудем Шаги, Взгляды, Слезы... Оставим внутри себя, тем самым и проложим путь для воссоединения с погибшими и умершими...

Шагов сложено великое множество...

И Слез пролито превеликое множество...

Столько Вздохов...

Все небесные покровы приняли каждого погибшего воина в свои бессмертные чертоги. И пусть печаль святая оставила след на века, но пока мы живы, мы всегда будет слышать этот Последний Вздох, пронзающий небеса... Он там и остался до скончания веков. Он и пробуждает усыпленный разум омертвевшего человека, чтобы, вскинув в высь свой безмятежный взор, мог человек ощутить незримое, но ёмкое страдание своего ближнего.

Потому-то, глядя на Чужую Высоту, которая теперь уже и не чужая вовсе, а родная, мы утихаем думами и не можем оторвать взор, пока он не наполнится чем-то важным

для нас. Хотя, по сути своей, Божью высоту чужой не назовёшь, ибо мы с нею нераздельны, неразлучны, именно она заставляет нас принимать многие мысли. Мыслями прокладываем в неё путь себе.

И когда мы идём по стылой ли земле, по гладкому ли льду, по жаркому песку, либо по скользящей глине, мы должны помнить всегда, что тогда, в те далёкие и близкие годы **(1941-1945) Солдат** складывал свой тяжкий и решительный шаг в День **9 мая 1941 года**. Помнить, чтобы жить и жить, чтобы помнить!

Этот же самый шальной ветер игриво и ликующе пробегал по лицам уставших бойцов... Это же самое нещадное, немилосердное солнце обжигало солдатские тела... Этот же безжалостный, свирепый мороз и колючий снег охватывал их со всех четырёх сторон... Это же самое весеннее половодье пронзало сердца и души надеждою... Это же самое, а не иное, беспечально-летнее приволье пробуждало достойные чувства, и кипели смелые сердца, вскипали от внутреннего пробуждения, которое могло бы в иную пору воспарить в поднебесье...

Ничего, совершенно ничего не поменялось в природных дарах, они так же пребывали и тогда, и сегодня, и они так же волновали умы, заставляли мечтать, печалиться, радоваться, но лишь одна осязаемая разница имелась на моменте... У них не было времени великолепий и привольий, когда они могли бы наслаждаться чувственным вдохновением, могли

бы предаваться покою и миру, перед ними растворилась другая эра – трудная дорога шагов, ведущая на порог смерти. На их долю выпала страсть. И эту страсть они завоевали нам покой и мир.

Мы теперь предаёмся великолепию и уладам, мы, а не **Они**. Это **Они** отдавали свои жизни, **Они** защищали Родину, а мы лишь пользуемся... И что же осталось? Осталась Память, пусть же не оскудеет. Пусть удерживает эту неразрывность, единственную ниточку.

Помним!

Гордимся!

Никто не забыт.

И ничто не забыто.

Мы остались на Земле пока ещё, живём и думаем, думаем и живём, можем слагать буквенные ориентиры всем определённым событиям. Так удержим же память **Солдатского Подвига**, эту же памятью и взлетим на вечное совладение слов в нужный час и встретимся с теми **Миллионами** и с **Анатолием Макшиным**, с **Фёдором Антиповым**, и облобызаемся важностью, которую удерживали по прежним дням и годам, удерживали собой и в себе.

Никто нас уже не разлучит с **Ними**, не подаст чёрной (отвратительной) безысходности, вращающей смертные пороги ада. Ад удалится в хранилище недоступное, и существующий рай осияет каждого погибшего и умершего своим верным и чувственным прибитком, от коего уже не будет стра-

дать, мучиться, горбиться ни единая душа.

И мы сегодняшние, помнящие **Их – Воинов Победителей** и не забывающие никогда **Толика Макшина (1941), Фёдора Антипова (1942), Миллионы Погибших, Умерших (1941-1945)** и любящие Его,⁴⁴ сольёмся же неоскудевающей (неистоцимой) Единой Любовию – святой, величественной, достойной и вечной, потому как превыше любви ничего не существует.

Любовь всем заведует и управляет, она порождает вдохновенные возможности для всего сущего, она раскрывает тайные истоки и напитывает дух, и укрепляет саму бесконечность, она же сводит с Богом и никогда с Ним не разводит.

Главное же – не утратить духовные навыки (приобретённые и приобретаемые постоянно), которые дают нам важность для раскрытия Тех необъятных Границ, из коих мы выведены на пажить земных лет Богом богов.

А потому, дабы увековечить имя **Солдата**, надобно и нам увековечить своё имя божественным прибытком. Нет Бога при нашем житии, нет и единения сторон. Есть Бог в сердце, следовательно, есть и любая возможность и важность, на которую станем опираться шагами своими, взглядами своими, слезами своими.

Никто не забыт.

И ничто не забыто.

Вот и принял **Солдат** своё неизменное торжество и зву-

⁴⁴ Творца Всемогущего.

чание (вечное содружество с Богом), принял, и остановилась бессмертная мысль, пронзая прошлое и настоящее, она малость поутихла, но не замерла окончательно, лишь святостью принакрылась. Теперь сия мысль уже наследует будущее, его несомненные истоки. Там будут и наши мысли когда-то. Но сольёмся мы пажитью лишь тою, когда удерживали связь времён с **Ним**, с **Солдатом** и с Богом.

Такой нерушимый (прочный, непобедимый, постоянный) союз нас введёт в должный почёт и уважение. К этому будем направлять стопы своего обессиленного и обезличенного (погрязшего в склоках, обидах, зависти и зле) ума.

Пока наш ум отягчён заботами и суетою по себе токмо, либо по приобретаемым благам, мы никогда не сможем выдержать Божье дозволение, которым не разрывается, а удерживается связь всех времён и поколений. Помнить, чтобы жить и жить, чтобы помнить.

Вот и завершена История **Солдата**, история воина-победителя. **Он** пробежал свои доблестные (героические) шаги. **Он** промыслил важные (первенствующие) итоги. **Он** вызрел благими (добрыми) думами. И цель выполнена **Им**.

Теперь же мы, пусть и отягощённые житием безрадостным, но свободным, по своему желанию, по взаимной любви и по чувственному настроению пробежим по **Солдатским Шагам**, по **Его Мыслям**, по **Его Думам**, дабы вывести и свой итог.

Подвиг...

Слава...

Долг...

И вечная память...

Эта память пусть сохранится в наших сердцах. Так сердце не очерствеет. Так душа не теряет свою славу. И так не омрачится и сама жизнь. Вглядимся вглубь Молчаливого Простора и узрим, заметим и учувствуем же в нём **Солдатское Дыхание**. Оно оставлено для нас, чтобы мы слушали это дыхание и, чтобы сами могли продышать итог.

Шагами, взглядами, слезами, которые оставили нам наши Деды, Прадеды, Матери и Сёстры, будем пробивать любые заслоны врагии. И пусть никто и ничто не отдалит нас друг от друга, но, напротив, сольёт и воссоединит однажды.

Анатолий Макшин – 1915-1941...

Фёдор Антипов – 1904-1942...

Миллионы – 1941-1945...

Здесь и мне бы надобно распрощаться со своими близкими ли, далёкими родственниками: **Толиком Макшиным** и **Фёдором Антиповым**. Осилили непростой путь войны **Они** и примкнули к Вечному Победителю. И это слово увековечило **Их** памятью неиссякаемой и памятью беспредельной любви.

Пусть же и **Толик**, и **Фёдор** покоятся с миром, пусть наследуют блаженства, пусть прогуливаются по Елисейским полям... Пусть же иногда хотя бы, но наши мысли, взгляды и шаги соприкасались общностью, которая нас не развела,

но объединила на веки вечные. Коли доведётся, то там! там облобызаемся мы с должною радостью, и сблизим свои души к явному знакомству и непременною воссоединению. Прежде не довелось узнать друг друга и породниться словами, чувствами, трудами, но Великая Обитель Божья воссоздаст для нас новые итоги и новые берега.

И вот на таком берегу мы сможем приблизиться друг ко другу и поделиться своими духовными стяжаниями. Они были в нас, они никуда не подевались, не поисчезали, ибо со-воспитаны многими нравами, знаниями и печалями. Там мы осилим должное родство, которое было сложено не зазря, не просто так ради пустой забавы, но для какой-то и особенной цели, коя и раскроется тайно.

Окончено ли слово сие или не окончено, токмо пусть жизнь протекает с добротною волею, с радостными событиями, и пусть же само время, как усилитель чего-то важного и верного не подведёт нас на нашем пошаговом пути, пути в вечность и в общность.

Как **Толик**, как **Фёдор** оставили для нас свои мечты и чувственные ориентиры, точно так же и мы будем воспарять своими мечтами и чувствами к **Их** обители, чтобы и **Они** могли ощутить эту цепь родства. Мы вместе, мы не порознь.

Вечная Память **Макшину Анатолию Михайловичу!** Пропал без вести в июле **1941**года в Брестской Крепости. Вечная Память **Антипову Фёдору Антоновичу!** Убит **26 ноября 1942** года в Калининской области близ деревни Ка-

менка.

Вечная Память Миллионам!

Вечная Память...

И мы в Этой Памяти будем сеять Итоги дум...

Макшин Анатолий! Помним!

Антипов Фёдор! Помним!

Миллионы! Помним!

Чтим!

Гордимся!

Подвиги Ваши, **Солдаты, Матери, Сёстры и Жёны** не
будут забыты!

Никто не забыт!

Ничто не забыто!

Мы с Вами!

А Вы с нами на вечные веки!

Так было и так будет до Последнего Вздоха и Взгляда!

Слава Всем Героям!

И слава нам, что помним, не забываем Тех, Кто погиб!

Слова не поиссякли, не попрятались в хранилища недосягаемые, они всегда при мне, но время, отведённое на этот сюжет, уже завершает свою суть. Важность написания была выявлена и определена. Теперь остаётся лишь раздумье. **Настанет день и журавлиной стаей, мы поплывём в такой же сизой мгле, из-под небес по-птичьи окликаая всех вас кого оставил на земле...**⁴⁵

⁴⁵ Песня Журавли.

Пока выписывалось Это Памятное Слово всплыли Новые Обстоятельства о гибели **Солдата Макшина Анатолия**, который не пропал без вести, не канул в лету неизвестностью. Разве может пропасть без вести Солдат, поставленный Богом на Путь Войны? О, какое Страшное увещевание снизошло с вершин адовых!

Судьба: попал в плен... Теперь каждый знает, что это означает! А тогда... Тогда сплетение Судьбы подарило весьма ужаснейшее пробуждение, в которое лучше бы никогда и никто не входил... Но вошёл **Анатолий Макшин 14 ноября 1941 года**, вошли миллионы... И мало, кто вышел... Лагерь шталаг 315...

Что было там?

Как строились Дни и Ночи?

Вопросов множество... А ответов пока нет!

Теперь же сделаю Запрос о **Солдате**, о **Герое** и буду ждать Ответ, ответ от Бога... А ответит ли Он? Подаст ли нужное увещевание? Пусть, пусть подаст, пусть пробудится Идея того, **чем** завершилась История Одного **Солдата – Макшина Анатолия Михайловича!**

И завершу незавершённое Слово словами самого **Толика**, которые он написал своей сестре (моей бабушке) «... И вот теперь мне стало двадцать пять. Сестра, как быстро распрощался я с детством, юностью и не могу понять, как быстро жизни круг вращался. И в памяти моей не воскресает хотя бы один весёлый час, но с горечью на сердце угасает. И взор

тускнеет моих глаз... Далеко, леса и горы разлучают нас. Я
возвышено с укором подниму свой глас. Эй, небо, снимите
шляпу, я иду! Природа спит, на лапу положив свою мур-
лу...» (январь 1941)

Но небо «сняло» не шляпу, а жизнь...